

НАШИ • ТАМ

ГЕННАДИЙ
МАРЧЕНКО

РЕВИЗОР 2.0

Наши там (Центрполиграф)

Геннадий Марченко

Ревизор 2.0

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Марченко Г. Б.

Ревизор 2.0 / Г. Б. Марченко — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09047-8

Думал ли простой петербургский налоговый инспектор, что в результате неудавшегося на него покушения окажется в прошлом? Однако судьба иногда преподносит весьма неожиданные сюрпризы, и вот уже наш герой вынужден как-то устраивать свою жизнь в середине XIX века. И кто знает, удастся ли ему вернуться обратно?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09047-8

© Марченко Г. Б., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Борисович Марченко

Ревизор 2.0

© Марченко Г.Б., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Глава 1

В сгущающихся сумерках довольно приятного дня начала августа 1841 года по Симбирскому тракту плёлся человек весьма странной наружности. Одет он был в необычный по нынешним временам форменный костюм, помеси серого, голубого и зелёного цветов, относящий его владельца, надо полагать, к какому-то серьёзному ведомству. Пиджак однобортный, застёгивался на три форменные пуговицы с двуглавым орлом, воротник окантован сукном тёмно-вишнёвого цвета, а на концах его – рисунок серебристого шитья. На левом рукаве – нашивка. Плечи путника украшали погоны с тремя полосками и эмблемой опять же в виде двуглавого орла. На брюках – алые лампасы. В целом же костюм выглядел изрядно испачканным и помятым, а сам путешественник несколько растерянным, что, впрочем, после ознакомления с его историей вполне объяснимо...

Житель Санкт-Петербурга Пётр Иванович Копытман был потомственным налоговым инспектором... из XXI века.

Дед Копытмана служил налоговым инспектором при Сталине, Хрущёве и Брежнев, отец – при Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачёве, Ельцине и даже немного при Путине. Трудовая деятельность самого Петра Ивановича началась при Путине, причём инспектор отнюдь не был уверен, что, когда он уйдёт на заслуженный отдых, у руля страны будет стоять кто-то другой.

К своим тридцати восьми годам Копытман оставался холост, жил с пожилыми отцом и матерью и, несмотря на все их попытки найти сыну пару, обременять себя брачными узами не стремился. В глубине души он мечтал, что судьба рано или поздно пришлёт ему ту, с которой он будет чувствовать себя по-настоящему счастливо, однако «рано» уже миновало, а «поздно» незаметно подкрадывалось, но Копытман по-прежнему оставался недоступен для кандидатур, предлагаемых ему любящими родителями.

Внешность его трудно назвать привлекательной: чуть полноват, нос мясист, носил очки с линзами в круглой оправе, имел залысину и слегка оттопыренные уши. Однако нрава был весёлого, пел под гитару романсы, рассказывал анекдоты, поэтому имел в своём коллективе у женщин некоторый успех. Но не настолько серьёзный, чтобы сойти за героя-любовника с претензией на долгие и чувственные отношения.

Хобби у Петра Ивановича было два. Во-первых, каждую субботу он проводил в бильярдной у метро «Парк Победы». Здесь сложился свой коллектив, и за семь лет хождений туда Копытман успел стать своим. Откуда такая любовь к этой игре, он и сам затруднялся ответить, так как в роду его никто катанием шаров не увлекался. А вот он однажды попробовал – и затянуло. Играли промеж себя на небольшие суммы, Пётр Иванович и выигрывал, и проигрывал, в целом был средней руки игроком.

Во-вторых, он любил историю. По уровню знаний Пётр Иванович мог, пожалуй, дать фору некоторым преподавателям сего предмета не только в школах, но и в высших учебных заведениях. Но любил историю не всякую, хотя немало интересного находил для себя и в дохристианском периоде, и в мрачном Средневековье, и в Викторианской эпохе, сдобренной похождениями Джека-потрошителя. Однако больше его увлекала история Российского государства, а особенно первая половина XIX века. Война с Бонапартом, декабристы, дуэлянт Пушкин, изящный стиль письма тех лет – всё это заставляло романтического инспектора иногда мечтать, как было бы хорошо, живи он в ту эпоху... Он и представить не мог, до какой степени желания иногда имеют свойство сбываться.

Как же угораздило его очутиться в этом тихом августовском дне 1841 года, да ещё и за тридевять земель от родного города? А всё началось с того, что он был отправлен своим руководством в командировку в Выборг проверить финансовую отчётность на одном из предпри-

ятий, которое уже до этого попадалось на кое-каких нестыковках. Руководил этим предприятием остепенившийся бандит из 90-х, ныне к тому же депутат городской думы некто Хрусталёв. Однако бандитские замашки не оставил и, когда приехавший инспектор слишком глубоко залез в финансовую отчётность предприятия, отправил своих подельников решить вопрос без шума и пыли. По замыслу босса, его бойцы должны были предложить настырному инспектору неплохую взятку и только после этого в случае несогласия питерского налоговика перейти к угрозам и дальнейшему физическому воздействию. Однако те решили, что три тысячи евро можно разделить между собой, а с инспектором разобраться сразу. Работодателю же отчитаться, будто питерский гость деньги взял, после чего исчез в неизвестном направлении.

Может, закопавшийся в отдельном кабинете в финансовую отчётность Пётр Иванович и принял бы взятку, будучи поставлен перед выбором – жизнь или кошелёк, однако денег ему никто не предлагал, а вместо этого скрутили за спиной руки, сунули кляп в виде какой-то вонючей тряпки и, подталкивая пистолетом в спину, отконвоировали к припаркованному на заднем дворе офиса «джипу-чероки», где упаковали в заднее отделение автомобиля, которое при желании можно назвать багажником. Так что все свои многочисленные вопросы Петру Ивановичу пришлось оставить пока при себе.

Впрочем, подручные депутата-бизнесмена Хрусталёва и не скрывали, какая судьба ждёт несчастного инспектора. По пути они весело обсуждали, живьём закопать Копытмана или всё же сначала милостиво пустить ему пулю в лоб.

Тут Пётр Иванович осознал предназначение подпрыгивающей рядом штыковой лопаты с укороченным черенком. Подпрыгивала она потому, что они, похоже, уже ехали по какой-то просёлочной дороге. А значит, до места назначения оставалось не так уж далеко.

Однако Хрусталёв отнюдь не желал пропадать ни за понюшку табаку, а посему, стараясь создавать как можно меньше шума, принялся перетирать путы о неплохо заточенное лезвие шанцевого инструмента. Когда верёвка сползла с его запястий, Копытман освободил рот от кляпа и стал думать, что делать дальше. На ходу из джипа не выпрыгнешь, это сразу обнаружат, остановят машину, догонят и побьют.

«А может, и убьют, чего им терять, нехристям», – с грустью подумал некрещёный заложник.

Кто-то из его похитителей был заядлым курильщиком, так как дым с каким-то едким привкусом упорно щипал ноздри. А может, оба курят один и тот же сорт сигарет. Копытман совершенно искренне пожелал им обоим сдохнуть от рака лёгких.

На глаза Петру Ивановичу попалась монтировка. Вот бы оприходовать ею этих одноклеточных... Смелчаком Копытман себя никогда не считал, но и к паникёрам не причислял. Вот и в этот раз, вместо того чтобы биться в истерике и, заливаясь слезами, молить о пощаде, как поступила бы добрая половина обывателей, он решил тянуть до последнего момента, чтобы затем огорошить своих похитителей неожиданным действием. А посему вернул кляп на место, а когда машина затормозила, проворно затолкал монтировку в правый рукав и свёл руки за спиной. К тому времени он успел кое-как размять ноги, насколько позволяло пространство заднего отсека машины, изобразив упражнение «велосипед».

– Ну чё, бедолага, почти прибыли, – услышал он хриловатый голос одного из «бойцов». – Ты там как, помолился своему иудейскому богу, чтобы прибрал тебя в свой рай? Или у вас, евреев, рая нет? Чё молчишь, горемычный?

– У него ж кляп во рту, тормоз, как он тебе ответит? – осадил того напарник.

– Точняк! – согласился первый. – А за тормоза ответишь. Потом.

Двигатель замолчал, послышались хлопки дверей, после чего задняя дверь «чероки» со щелчком пошла вверх, и в глаза Копытману ударил солнечный свет, настырно пробивавший сквозь кроны тихо покачивавшихся под морским бризом сосен. Потянуло солоноватой свежестью, Копытман сообразил, что, похоже, неподалёку находился Карельский перешеек.

– Чё, слизняк, сам выползешь или помочь? – Это спросил обладатель первого голоса – квадратного вида крепьш с лысой, посаженной на короткую шею головой.

Второй – долговязый и такой же лысый, с сигаретой в зубах, молча ухватил пленника за шкуру и бесцеремонно выволок наружу.

– Слышь, чудо очкастое, ты ваще лопатой когда-нибудь работал? – снова поинтересовался коренастый.

– Ничё, щас научится, только в будущем ему это уже не пригодится, – хмыкнул долговязый.

«Ну, студент, готовься! Скоро на тебя наденут деревянный макинтош, и в твоём доме будет играть музыка. Но ты её не услышишь!» – всплыло в памяти Копытмана крылатое изречение из фильма Гайдая о похождениях Шурика.

– Давай-ка развязывай этого чмошника и вручай ему лопату, – снова подал голос коренастый.

Пётр Иванович понял, что настала пора действовать, так как монтировка в его рукаве сейчас будет обнаружена, да и вообще другой возможности спасти свою жизнь уже вряд ли представится. Монтировка сползла из рукава в ладонь, Пётр Иванович, выплюнув кляп, набрал воздуха в лёгкие, завопил что есть силы, размахнулся – и от души врезал долговязому по левому плечу. Понимая, что желательно бить в голову, Копытман, однако, не смог преодолеть невидимый барьер, ментально отделяющий драку от убийства.

Впрочем, и этого удара хватило, чтобы не ожидавший атаки противник с криком схватился за травмированное плечо и на какое-то время оказался выключен из событий. Коренастый успел отпрянуть и, процедив: «Ах ты, опарыш!» – потянулся куда-то под куртку в направлении левой подмышки. Добраться до отступившего уже было трудновато. Поэтому, не дожидаясь, пока его превратят в решето, Пётр Иванович швырнул в бандита монтировку и весьма удачно попал ему в колено. Вскрикнув, тот запрыгал на одной ноге, а Копытман, воспользовавшись моментом, пустился наутёк.

Инспектор никогда ещё в жизни не бегал так вдохновенно. Он вообразил себя тем самым оленем из песни, что мчался «рыжим лесом пущенной стрелой». Учитывая, что стволы сосен отдавали как раз рыжим, сравнение казалось весьма подходящим.

На ходу достав из внутреннего кармана пиджака очки («Как хорошо, что при появлении этих мордоротов я убрал их в карман», – подумал Копытман), нацепил их на нос и теперь ориентировался в сосновом бору гораздо лучше, нежели при своих безоружных минус четырёх. Несколько раз он оглядывался, однако погони не видел, что, впрочем, не давало повода для передышки. Перевести дух он себе позволил только спустя примерно четверть часа этой безумной гонки по лесу, в котором начали уже встречаться лиственные деревья.

Фух, вроде погони не слышно. Один-то точно не бегун, с травмированным от удара монтировкой коленом по лесу не побегаешь. А долговязый, похоже, был заядлым курильщиком, так что с его лёгкими тоже далеко не убежишь. Пётр Иванович хоть и обладал некоторым излишним весом, однако к курению всегда относился негативно и сейчас сам себя возблагодарил за то, что не злоупотреблял вредными привычками.

Быстро произвёл инвентаризацию. Так, руки-ноги целы, и пусть остался он без фуражки, денег, документов и сотового телефона, в данный момент это казалось ему сущим пустяком. Радовало, что на запястье по-прежнему бодро тикали часы Zenith, механические и с автопод-заводом, которые отморозки сразу, наверное, не заметили, или не до того было, но после уже, перед смертью, возможно, сняли бы с него, приняв за швейцарский оригинал. На самом деле это была хоть и качественная, стоимостью в месячную зарплату инспектора, но всё же реплика родом из Китая.

Итак, что делать дальше? Возвращаться той же дорогой опасно, вполне может быть, по его следам ещё идут. Другое дело, если попытаться сделать крюк. Правда, где находится дорога,

Копытман помнил лишь приблизительно, бог его знает, сколько он петлял, убегая от преследователей. Тем более, будучи городским жителем, в таких дебрях Пётр Иванович ориентировался не лучшим образом. Остаётся идти по прямой, рано или поздно он должен выйти к человеческому жилью. Приняв такое решение, он пошёл вперёд.

Очень хотелось есть, но, кроме зарослей дикой малины, ничего другого пригодного в пищу обнаружить не удалось. Ночь Копытман провёл в каком-то овраге, укрывшись форменным пиджаком, спал плохо, всё снилось, что коренастый и долговязый нашли его и пытаются паяльником. А поутру, проснувшись, обнаружил, что всё вокруг скрыто густым туманом. Таким плотным, что казалось, его можно было брать в руки, как вату.

Даже в очках инспектор не видел дальше вытянутой руки, но всё же, выждав какое-то время, голодный и продрогший, решил идти через лес на ощупь. К его удивлению, минут через десять пути туман чуть ли не мгновенно рассеялся. Пётр Иванович это явление списал на причуды местного климата.

Весь день он продирался сквозь густые дебри, а когда совершенно отчаялся покинуть злополучный лес, вышел... на Симбирский тракт. Мало того что каким-то чудом оказался бог знает где, так ещё провалился в прошлое чуть ли не на двести лет. Впрочем, об этом Пётр Иванович узнал чуть позже, когда ему встретилась гружённая скошенной травой крестьянская подвода. Сидевший на облучке старик, одетый, невзирая на тёплую погоду, в перепоясанный потёртым кушаком тулупчик, стащил с головы грешневик и поклонился, видимо подозревая в этом человеке птицу высокого полёта, по иронии судьбы угодившую в какую-то передрагу.

– Товарищ, не подскажете, как мне пройти к Выборгу? – поинтересовался Копытман. – Или хотя бы, где ближайшее отделение полиции?

– Нешто, барин, какой тут Выборг? Энтэ Симбирский тракт, до Симбирска ишшо полторы сотни вёрст.

– До Симбирска? До Ульяновска, вы хотели сказать? – слабым голосом произнёс Пётр Иванович, уверовав, что в бессознательном состоянии находился несколько дней, за которые душегубы успели его отвезти чёрт те куда.

– Не, барин, Симбирск, не знаю никакова Улиановска, – настаивал на своём пейзаин, окорачивая хлыстом пегую лошадку, норовящую утянуть подводу дальше по знакомому до стёртых подков маршруту.

– Хорошо, пусть Симбирск, – сдался Копытман. – Но ближе есть какой-нибудь город?

– А как же, есть, N-ск! – в беззубой улыбке раззявил рот старик. – Семь вёрст отсель прям по тракту.

На душевнобольного водитель кобылы не походил, хотя кто их, психов, знает, думал Копытман, разглядывая собеседника. Может, тут вообще сборище реконструкторов? Хотя слишком уж натурально выглядел старик, либо это какой-нибудь народный артист, согласившийся поучаствовать в столь любопытной мистификации. Народные артисты такие, хоть чёрта лысого сыграют.

Мучимый неясными подозрениями, инспектор потрогал шишку на голове, ослабил узел галстука и не без внутреннего трепета поинтересовался:

– Скажите, уважаемый, а... А какой сейчас год?

– Нешто головой ударились, барин, памяти лишились? – мелко перекрестился крестьянин, и Копытман заметил под ногтями собеседника траурную каёмку. – Дык я скажу, меня не убудет. Нонче у нас одна тыща осемьсот сорок первый, однако, от Рождества Христова. А ежели от сотворения мира брать, то... – Он беззвучно зашлёпал губами и наконец изрёк: – То семь тыщ триста сорок девятый.

«Очень натурально, очень, – подумал инспектор. – Скорее это нелепый розыгрыш, но как, подлец, играет!»

– Ну, бывайте, барин, ехать надо, – вздохнул крестьянин, снова перекрестившись. – Вам-то, видать, в другую сторону, а то подвёз бы. Н-но, пошла, родимая!

Глядя вслед удалявшейся телеге, Пётр Иванович пребывал в явной растерянности. А ну как и впрямь в какой-то момент блужданий по лесу закинуло его в прошлое? С другой стороны, думал Копытман, если это не розыгрыш, то ещё хорошо, что он попал именно в эту эпоху, так как изучил её более-менее скрупулёзно. И ежели по какому-то фантастическому стечению обстоятельств так и случилось, Пётр Иванович надеялся, что с Божьей помощью не пропадёт.

Он решил поспросить следующего встречного, и тут, словно по заказу, из-за поворота дороги появился крытый экипаж, ведомый парой гнедых. Ландо – вспомнил название транспортно-го средства Копытман. Ландо с поднятым верхом. Покачивающийся на рессорах экипаж нёсся с большой скоростью, порядка тридцати вёрст в час, на козлах сидел коренастый дядька с развевавшимися на ветру усами, и вид как лошадей, так и кучера был столь грозен, что Копытман тут же поспешил отпрыгнуть в сторону.

В промелькнувшем ландо он успел разглядеть только женское лицо, показавшееся ему довольно милым. Повозка пролетела по инерции метров пятьдесят, после чего кучер резко натянул поводья и повернул лошадей в сторону одинокого путника. Экипаж вновь поравнялся с Копытманом, уже другой стороной, и сначала Петра Ивановича одурманил аромат лаванды, а затем он узрел перед собой ту самую симпатичную особу на вид лет двадцати с небольшим. Хотя, возможно, истинный возраст перегнувшей через свою спутницу прелестницы скрывало обилие пудры на её лице, из-под которой всё же пробивался здоровый румянец. Придала шарм и родинка на щёчке, кажется, от природы. Одетая модница была в батистовое платье ярких разводов с множеством оборок, облегающим лифом и перетянутой тонкой талией, широкой юбкой «колокольчиком». Высокую и замысловатую причёску укрывал капор с такими же кружевными по краю оборками. Рядом с девицей Пётр Иванович имел честь лицезреть вжавшуюся в стенку даму постарше, ряженую чуть скромнее. Обе, в свою очередь, с нескрываемым любопытством взирали на странника.

– Здравствуйте, – учтиво поздоровался инспектор, сделав движение рукой к голове, словно собираясь стащить с неё несуществующий цилиндр.

– Здравствуйте, сударь, – ответствовала особа, не своя слегка удивлённого взгляда с мужчины. – Простите, мы с вами незнакомы...

– Копыт... Копытин Пётр Иванович, налоговый инспектор из Санкт-Петербурга, – непроизвольно вытянулся в струнку путник, одёргивая порядком изжёванный костюм.

Решение назваться созвучной, но всё же другой фамилией он принял в последнюю секунду, подумав, что ещё неизвестно, как тут относятся к представителям иудейской веры. Хотя к этой самой вере он имел самое опосредованное отношение, отметившись ещё восемью днями от роду обрезанной крайней плотью, тогда же случилось его первое и последнее появление в синагоге. В целом же Пётр Иванович был русским настолько, что ещё среди русских поискать. Даже внешность его больше напоминала физиономию какого-нибудь рязанского помещика...

– Тётушка, из самой столицы! – всплеснула руками молодая женщина, переглянувшись с попутчицей. Девица наконец села на своё место, и её старшая подруга смогла сесть прямо. – А к нам по какой надобности, сударь, если не секрет?

– Да-а... – развёл руками Копытман, не зная, с чего начать.

– Ах, не говорите, дайте догадаюсь сама! Вы к нам в N-ск по служебной надобности, на вас напали разбойники, кучера убили, лошадей увели, а вас ограбили, отняли деньги и документы, и теперь вы вынуждены добираться до N-ска пешком. Скажите, я права?

– Ну-у, в целом...

– Видите, Настасья Фёдоровна, я оказалась права, – снова повернулась она к спутнице и тут же вновь обратила внимание на инспектора: – В наших богом забытых местах уже несколько

месяцев безобразничают на тракте разбойники, всё не могут их изловить... Ах, простите, забыла представиться... Елизавета Кузьминична Мухина, дочь N-ского уездного судьи.

Елизавета Кузьминична снова перегнулась через спутницу и протянула ручку, к которой Пётр Иванович соизволил припасть после некоторого замешательства.

– А это моя тётушка, Настасья Фёдоровна, – представила товарку девица.

Копытману и ей пришлось целовать руку, но уже через надушенную кружевную перчатку.

– Кстати, налоговый инспектор, но в каком вы чине? – всё не могла угомониться судейская дочка. – Платье на вас весьма необычного покроя, верно, пошито с заграничных образцов? Такие сейчас моды по вашей службе в столице? Вы наверняка коллежский асессор!

Копытман вновь развёл руками. При всей своей любви к истории он всё же не имел понятия, как идентифицировать свою должность по отношению к принятой ныне табели о рангах. В том, что он каким-то образом угодил в прошлое, Пётр Иванович уже практически не сомневался.

– Настасья Фёдоровна, я снова угадала! – обрадовалась Елизавета Кузьминична. – Значит, к вам должно обращаться ваше высокоблагородие.

– Хм... Ну... Должно быть, – обречённо пожал плечами Копытман.

– Ах, что же это я! – всплеснула руками девица. – Видно, что человек не в себе, а я его разговорами последних сил лишаю. Садитесь, ваше высокоблагородие, сей же час доставим вас на постоянный двор, я распоряжусь, чтобы вам выделили приличный номер и накормили. Уже вечереет, и вы, конечно же, проголодались.

– Да уж, шесть вечера доходит, – пробормотал Пётр Иванович, непроизвольно бросив взгляд на циферблат своего хронометра.

– Какой оригинальный брегет! – воскликнула девушка. – Верно, в Европах многие такие уже носят, да и в столице, вероятно, тоже. А у нас, в провинциях, знаете ли, прогресс, – выделила она в слове букву «э», – совсем не ощущается... Да что ж вы стоите, сударь, садитесь к нам. Осип, немедленно гони к постоянному двору!

Поездка до постоянного двора, находящегося на окраине уездного города N-ска, заняла около получаса. За это время ни на мгновение не закрывавшая рот Лизонька, как к ней как-то обратилась молчаливая тётушка, уже порядком осточертела Петру Ивановичу, на все её вопросы он предпочитал кивать или мычать нечто неразборчивое, пожимая плечами.

«Однако, какая всё-таки дура, даром что симпатичная, – думал Копытман, глядя на выдающиеся прелести щебетавшего напротив него создания. – Впрочем, за последующие два столетия женщины не сильно изменились, стоит ли обвинять эту представительницу прекрасной половины человечества в словоблудии, коль она видит в этом смысл своего существования?»

Пётр Иванович в глубине души был немного философом, поэтому смотрел на окружающие его вещи с точки зрения мыслителей прошлого, среди коих особенно почитал Шопенгауэра, сумевшего соединить рациональное с иррациональным. Копытман, случалось, козырял цитатами философа XIX века, но его заумные выражения по большей части не встречали у современников в веке XXI понимания, поэтому инспектор рискнул апробировать сию сентенцию в общении с попутчицей, благо момент для этого настал очень скоро.

– Ах, Пётр Иванович, вы даже не представляете, как иногда хочется вырваться из нашего болота в цивилизацию! – вздыхала Лизонька. – Балы, наряды по парижской моде... Вы ведь наверняка лицезрели самого государя императора?

– Ну-у, было как-то.

Тут Пётр Иванович если и покривил душой, то не очень сильно, потому что пусть не государя императора, но президента он всё же видел, хотя и издали. И тут же поспешил сменить тему, пока дело не дошло до более подробных вопросов.

– Знаете, Елизавета Кузьминична, как сказал немецкий философ Артур Шопенгауэр, «жизнь каждого, в общем и целом, представляет собой трагедию, но в своих деталях она имеет

характер комедии». Или вот: «Воля – вещь в себе», – с самым серьёзным видом заявил Копытман. – Ведь именно она, наша воля, и определяет сущее, влияя на него. К чему вам эти балы и парижские моды, когда необходимо сосредоточиться на основных способах достойной жизни – искусстве, моральном аскетизме и философии. Шопенгауэр считает, что именно искусство способно освободить душу от жизненных страданий. К другим же надо относиться, как к самому себе.

– Настасья Фёдоровна, *man chère*, вы слышали?! Их благородие знакомы с философскими трудами европейских мыслителей!

– Да, причём он это сказал мне лично, – олицетворяя собой саму скромность, объявил Копытман.

Почему он произнёс эти слова, Пётр Иванович и сам не понял, видно, чёрт дёрнул за язык. Но судейская дочь просто взалкала продолжения.

– Не может быть! Расскажите, умоляю, ваше высокоблагородие, при каких обстоятельствах это случилось?!

– На водах в Баден-Бадене, где я отдыхал этой весной.

«Боже, что я несусь, какой Баден-Баден, я там никогда и не был!» – с ужасом подумал инспектор, но праздновать труса было поздно.

– В Баден-Бадене?! О, как бы я хотела там побывать... Расскажите же, милейший Пётр Иванович, что это за место?! Я слышала, что оно пользуется несомненной популярностью у русских дворян, военных и интеллигенции.

– Да, соглашусь с вами, сударыня, наших соотечественников я там встретил немало, – важно кивнул Копытман.

При этом он подумал, не применить ли ему словоерс для краткости, но пока решил обходиться более почтительным полным произношением.

В этот момент они проезжали какую-то небольшую деревушку, приткнувшуюся у дороги, словно бородавка на носу старого помещика. Деревушка была так себе, достаточно сказать, что покосившуюся стену ближайшей к ним хаты подпирала толстенная жердь. Не будь её, стена точно рухнула бы, оголив всякому проезжавшему неприглядные внутренности хаты и столь же неприглядно выглядящих её обитателей. В пыли под стеной сидел младенец в большой, не по размеру домотканой рубахе и сосредоточенно грыз молочными зубами щепку, уже всю покрытую слюной.

Заметив интерес приезжего к населённому пункту, Елизавета Кузьминична пояснила, что деревенька принадлежит помещику Старопопову, во владении которого находятся ещё три деревни, с населением общим числом около двухсот пятидесяти душ. И что Старопопов по молодости воевал с Наполеоном, а за заслуги на войне была ему пожалована медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

Наконец показались границы уездного города N-ска, отмеченные будкой в толстую полосу ёлочкой и прислонившимся к её стенке урядником. Низший чин лениво ковырял веточкой в ухе, время от времени поглядывая на содержимое своего слухового прохода и вытирая его о штанину. Увидев приближающийся экипаж, он на мгновение прекратил интимное занятие, затем, разглядев, что едут птицы невеликого пошиба, отрешённо продолжил своё занятие.

Уже от въезда виднелся золочёный шпиль колокольни главного городского собора. Никаких хрущёвок и тем более высоток; взору инспектора предстали сплошь старинные дома XIX столетия, которые сейчас отнюдь не выглядели такими уж старинными.

«Значит, всё это правда, – обречённо заключил про себя Пётр Иванович. – Сбылась мечта идиота».

До этого он ещё тешил свой разум слабой надеждой, что стал героем какой-то невообразимой мистификации, но выстроить такие декорации... Да на такие траты ни один самый богатый шутник не пойдёт!

Постоялый двор оказался двухэтажным строением с трактиром на первом этаже, окружённым двором со стойлом для лошадей и крытым навесом для экипажей. Заливавшаяся лаем безродная шавка гоняла вдоль забора отчаянно кудахтавших кур, а впереди них мчался порядком общипанный петух. Ворота постоялого двора представляли собой два столба на удалении друг от друга примерно в пять аршин с верхней перекладиной в виде длинной узкой покато́й крыши.

Из ворот как раз выезжала бричка, запряжённая одной кобылой. Сидевший на месте пассажира молодой человек лет тридцати, с закрученными вверх чёрными как смоль усиками, приветствуя встречный экипаж, чуть поклонился и прикоснулся указательным и средним пальцами к полям цилиндра.

– Это господин Недопейвода, хроникёр «N-ских ведомостей», – представила усатенького Елизавета Кузьминична, провожая глазами экипаж.

– Пронырливый малый, – высказалась наконец всё это время молчавшая Настасья Фёдоровна.

При этом в её голосе промелькнуло лёгкое пренебрежение, видимо, по какой-то причине этот самый Недопейвода, несмотря на свой франтоватый вид, а возможно, и в чём-то из-за него, не снискал у тётушки особой симпатии. А ведь он уже второй год добивался руки и сердца судейской дочери (хотя этого, конечно, Копытман не знал). Елизавете Кузьминичне это льстило, но её папеньке такая партия казалась невыгодной.

– За душой у этого прохвоста ни гроша, – говорил дочери Кузьма Аникеевич. – А ты девица видная, к тому же с недурным приданым, вот он и увивается возле тебя. Да только такой зятьёк мне ни к чему, пусть ищет невесту в своём кругу.

Встречать судейский экипаж вышел сам хозяин заведения, как его ещё загодя представила Мухина – Фёдор Тимофеевич Гусак. Это был тот самый случай, когда фамилия полностью оправдывала внешность её обладателя. Гусак был по-бабьи полноват в бёдрах, узок в плечах, а голова восседала на худой длинной шее. Дополняя карикатурное сходство, лоб его с редкими зализанными волосами был скошен, а нижняя часть лица выдавалась вперёд и казалась ещё длиннее засчёт редкой козлиной бородки. Всё лицо его, как и волосы, были будто смазаны маслом. От пуговичной петли его жилета серебряная цепочка тянулась к боковому кармашку, где, верно, был спрятан брегет.

– Елизавета Кузьминична, Настасья Фёдоровна!

Гусак поцеловал ручки гостей, причём ладошку девицы задержал в своей руке чуть дольше, нежели дозволено по этикету, а Петру Ивановичу учтиво поклонился. На Копытмана хозяин постоялого двора произвёл не самое приятное впечатление.

– Не имею-с чести быть знаком...

– Пётр Иванович Копытин, – не менее учтиво кивнул инспектор. – Чиновник из Санкт-Петербурга.

– Коллежский ассессор, – добавила Мухина. – Пётр Иванович к нам прибыл с особым поручением, но по пути стал жертвой разбойников, остался без вещей, денег и документов. Ему нужно привести себя в порядок, поесть и отдохнуть, поэтому, Фёдор Тимофеевич, к кому ещё я могла его определить, как не к вам...

– Заступница, видит бог, – неожиданно для самого себя с ноткой чувственности в голосе выдал Копытман.

– Ах, бросьте, – отмахнулась судейская дочь, но видно было, что она польщена. – Это святая обязанность каждого христианина – помочь попавшему в беду ближнему. Я уверена, что

вы, Фёдор Тимофеевич, также не останетесь в стороне, поможете нашему гостю обустроиться на первых порах. За оплату не беспокойтесь, я компенсирую все расходы.

– Да боже упаси! – воскликнул Гусак, молитвенно сложив ладони, также напоминающие гусиные крылья.

Причём было решительно непонятно, что он хотел этим сказать. То ли что и не принял бы денег от гостя, то ли, напротив, что не сомневался в её платёжеспособности.

– Что ж, сударь, – повернулась девица к гостю, – оставляю вас на попечение хозяина этого заведения. Вам придётся написать записку на имя нашего капитан-исправника Прохора Пантелеймоновича Неплюева о приключившемся с вами несчастье. Как писать, вы, верно, знаете, если же будете испытывать затруднения, Фёдор Тимофеевич вам поможет. Нелишним, вероятно, будет отправить депешу в Петербург о вашем незавидном положении. Нынче же вечером её тоже опишите, ваше высокоблагородие, а утром заедет Осип, заберёт у вас оба письма. Одно он отвезёт Неплюеву, а второе – почтмейстеру Касторскому.

Отдав таким образом распоряжения, Елизавета Кузьминична и её тётушка покинули Копытмана, который остался наедине с Гусаком.

Тот тут же расплылся в угодливой улыбке:

– Вы-с, я так полагаю, без слуги-с?

– Правильно полагаете, господин Гусак, – улыбнулся в ответ Копытман, но уже с наигранной грустинкой. – Слуга был моим кучером, он пал жертвой дорожной засады.

– Нет управы на этих нехристей, – как-то не совсем натурально вздохнул хозяин постоялого двора. – Что ж, милости прошу, сударь, следовать за мной.

Нумер оказался даже лучше, чем Пётр Иванович мог ожидать. Во всяком случае, здесь имелись кровать с матрацем, чистой простыней и чуть менее чистой наволочкой на набитой перьями подушке, укрывало ложе сотканное из разноцветных лоскутов тёплое одеяло. Имелись ещё стол с подсвечником из латуни, в котором торчали два огарка в палец длиной, стул, а также что-то вроде комода в углу комнаты, над которым располагалось зеркало с побитой по краям амальгамой. В окно сквозь мутное стекло виднелся задний двор, где, прислонившись спиной к большой поленнице и натянув на нос картуз, почему-то в обнимку с самоваром, дрых бородатый мужик в рубахе в горошек и серых, заправленных в сапоги штанах.

– Тараканов нет-с, не извольте беспокоиться, – заверил Гусак и следом выдал очевидное: – Поклажи при вас, как я понимаю, не имеется. Нынче же Селифан принесёт таз с водой и полотенце, а затем пожалуйста ужинать вниз. Ежели изволите письменные принадлежности, то сей же час организую-с.

– Благодарю, милейший, письменные принадлежности мне и в самом деле понадобятся, но за перо я сяду после ужина. И кстати, нет ли возможности привести мою одежду в порядок?

– Как же нет-с, Селифану отдадите ваше-с платье перед сном, до утра и почистят и отгладят, будет как новое.

Спустя десять минут появился тот самый Селифан – малый лет восемнадцати, с прыщавым лицом, пробивающимся на подбородке пушком и прилизанным пробором. Он принёс небольшую лохань с тёплой водой, на плечо его было наброшено полотенце, а из кармана синей с искрой жилетки торчал кусок тёмного вонючего мыла. Умылся Копытман с наслаждением, отмыв не только лицо, но и шею. Мыло, даром что дегтярное, дорожную пыль смывало прекрасно, и вскоре посвежевший инспектор спустился на первый этаж, где в этот час уже было прилично народу. Внешний вид постояльца многих заставил удивлённо поднять брови, начались перешёптывания, и Пётр Иванович постарался забиться за свободный угловой столик, дабы привлекать к своей персоне как можно меньше внимания.

Довольно просторное и при этом относительно чистое помещение было пропитано сонмом самых разных ароматов, но над всеми ними преобладал запах кислых щей. Многие как раз хлебали это варево, причём с аппетитом, даже не отмахиваясь от круживших тучами мух, и

Копытман понял, что и сам не отказался бы присоединиться к едокам, настолько проголодался за сутки с лишним скитаний.

Вскоре появился половой, видимо уже проинструктированный хозяином. Он без всяких прелюдий принялся выставлять на стол горшочек ухи с угрём, опять же весьма аппетитный дух издавал барашек с гречневой кашей, кстати пришились грибы в сметане, лежавшие горкой на одной тарелке солёные огурцы и квашеная капуста с красными морковными прожилками. Пахнувшая квасом краюха хлеба была нарезана аккуратными ломтями. Венчал эту гастрономическую идиллию графинчик местной водки, которую половой обозначил как «Божья роса». Рюмочку Копытман опрокинул в качестве аперитива, после чего с резвостью приступил к уничтожению съестного изобилия.

«Всё же неплохо я устроился стараниями судейской дочки, – подумал Пётр Иванович, от удовольствия насыщения едва не рыгнув. – Всё могло быть намного хуже. Пока придётся по примеру гоголевского героя выдавать себя за чиновника из Петербурга, ничего не поделаешь. Неизвестно, сколько продлится обман, но рано или поздно правда вскроется, и тогда последствия могут быть самыми неприятными. Однако, пока легенда работает, и будем её придерживаться, а насчёт будущего озаботимся завтра».

От куска рыбника размером с лапоть сорок пятого размера Копытман тоже не отказался. Как раз во время его поглощения в трактир ворвался пузатый мужик, сорвал с кучерявой головы шапку, бросил её оземь:

– Эх, гуляй, братцы, нынче праздник у меня – сын родился! Кузьма Ермаков всех угощает! Человек! Всем водки за мой счёт!

Трактир зашумел, многие, похоже, знали этого самого Ермакова, принадлежавшего по виду то ли к мещанскому, но скорее к купеческому сословию, и от души поздравляли. Не отказываясь, само собой, выпить за новорождённого.

– Четыре девки, и вот наконец сын! – всё не умолкал счастливый отец. – Человек, давай ещё водки. И вон тому тоже!

Тому – это значит Петру Ивановичу, который старался сделаться в своём углу как можно незаметнее. Впрочем, отказываться от хлявной водки было чревато, Кузьма мог обидеться и пристать с расспросами типа «Ты меня уважаешь? Тогда пей!», поэтому Копытман с напускной радостью отсалютовал наполненной до краёв рюмкой счастливому отцу и опрокинул ядрёную жидкость в рот.

И вскоре решил закругляться. Велел передать Фёдору Тимофеевичу своё нижайшее почтение и попросил принести в номер принадлежности для письма и ещё пару свечей, потому как не был уверен, что имеющихся огарков ему хватит для составления сразу двух писем. Попросил также, ежели Гусак не откажет в такой услуге, подняться и его самого, чтобы помочь составить записку на имя капитан-исправника.

– Видите ли, в каждом городе свои обычаи составления подобного рода протоколов, – с умным видом пудрил мозги хозяину постоянного двора Копытман, при этом обмакивая кончик пера в чернильницу. – Не хочется лишний раз попусту переводить чернила и бумагу. К тому же от того, как скоро начнутся розыски, может зависеть, насколько быстро удастся обнаружить душегубов.

– А что душегубы, много ли их было? – поинтересовался как бы между прочим Гусак.

– Несколько человек, в суматохе толком не разглядеть было, не до того, – отбоярился Копытман.

Писать пришлось на специальной аспидной доске, принесённой уже лично Гусаком. Бумага была не самого лучшего качества, но выводить на ней слова под диктовку Фёдора Тимофеевича инспектор наловчился довольно быстро. Чудесным образом написание «ятей» Копытману давалось столь легко, будто его рукой водил некто посторонний, как бы не сам нечистый. Впрочем, новоявленный чиновник уповал, что ему всё же благоволят светлые силы. При этом,

как инспектор сам про себя отметил: думать и говорить он также начал в соответствии с окружающей его эпохой, и это тоже далось ему крайне легко. Мистика, одним словом.

Когда наконец письмо было составлено и увенчано неразборчивой подписью, Пётр Иванович, догадавшись о предназначении коробочки с мелкими дырочками, посыпал лист мелким песком, который затем сдунул на пол.

«Не хватает шариковой ручки, – думал он, глядя, как Гусак оборачивает плотный конверт бечёвкой и запечатывает сургучом. – И вообще можно подкинуть местным кулибиным идею пера с металлическим наконечником и прорезью посередине. Всяко удобнее, чем гусиным выводить. А заодно и конверт модернизировать, только знать бы, из чего делается клейстер».

Попрощавшись с хозяином, Копытман теперь уже сел писать письмо якобы своему начальству в Петербург. Можно было бы, конечно, вложить в конверт чистый лист бумаги, но он решил играть свою роль до конца. И даже позволил себе немного похулиганить.

«Его сиятельству графу Ал. Х. Бенкендорфу от 7 августа 1841 года, – писал инспектор с уже ввевшимися в его сознание «ятями». – Милостивый государь, граф Александр Христофорович! Согласно вашему поручению прибыл в уездный город N-ск. Однако в пути со мной приключилась неприятность, как-то: мой экипаж попал в засаду, устроенную местными разбойниками. Исполнявший роль кучера слуга оказался убит, я же, не имея при себе оружия, вынужден был отступить, бросив саквояж со всеми деньгами и документами, которые, верно, стали лёгкой добычей грабителей. Далее по Симбирскому тракту пришлось путешествовать пешком. К счастью, судьба мне благоволила встречей с дочерью N-ского судьи, которая оказала вашему покорному слуге первейшее содействие, пристроила на постоянный двор и обещала всячески меня опекать первое время. Донос на имя местного исправника я уже написал, отправлю утром с нарочным, как и это письмо почтмейстеру. Надеюсь, оно дойдёт до Вашего сиятельства в ближайшее время.

Что же касается нашего задания, то, невзирая на случившееся со мной несчастье, я по-прежнему полон решимости довести до конца порученное мне дело и вывести всех мошенников на чистую воду. Уверен, мздоимцев, равно как и казнокрадов, в N-ске с избытком. Впрочем, как и в любом российском поселении, как бы ни печально это звучало. Жду от Вашего сиятельства как можно скорее ответной депеши.

Преданный Вам коллежский ассессор,
чиновник VIII класса *Копытин П.И.*».

Снова неразборчивая подпись, после чего письмо было упаковано в конверт. Напрягши память, Пётр Иванович начертал сверху: «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Лично в руки Его сиятельству графу Ал. Х. Бенкендорфу». Именно там, по мнению увлекавшегося историей Копытмана, должна была находиться штаб-квартира Бенкендорфа.

В этот момент раздался осторожный стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Пётр Иванович, перевязывая конверт бечёвкой.

Пришёл Селифан за одеждой, которую Копытман не без удовольствия ему вручил. Узрев столичного чиновника в непривычных своему глазу семейных трусах и майке-алкоголичке, Селифан округлил глаза, что-то промычал, но, так ничего и не сказав, пятясь задом, покинул комнату.

Проводив слугу, налоговый инспектор сладко потянулся. Покосившись в тёмное окно, задёрнул шторку, затушил свечи и улёгся в постель. После почти двух дней приключений он сразу провалился в глубокий сон, в котором ему не приснилось никакой чертовщины. Как, впрочем, и ничего приятного.

Глава 2

В начале шестого сладкий утренний сон Петра Ивановича был прерван самым бесцеремонным образом. Виной тому стали не клопы, которые немного, но всё же донимали инспектора во время сна, а отчаянный петушиный крик, не оставивший Копытману даже времени на мечты, что всё произошедшее с ним накануне не более чем дурной сон. Да и жестковатая подушка, внутренности которой он ощущал правой половиной лица, подтверждали самые худшие опасения, потому что прежде спать ему доводилось лишь на подушках с куда более мягкой набивкой.

Инспектор открыл глаза и уставился в плохо выбеленный потолок с просвечивающими от окна к двери щелями от не лучшим образом пригнанных друг к другу досок. При этом аккурат над его головой обнаружился приличных размеров пруссак, лениво шевеливший своими гусарскими усищами.

«Каков всё-таки подлец этот Гусак, – подумал, зевая, Пётр Иванович. – Намедни вечером божился, что тараканов нет, а он вот – сидит себе и пялится на меня, видно, выцеливает, как половчее мне в рот упасть, когда в следующий раз зевать буду».

Со двора вновь раздался хриплый вопль назойливой птицы. Копытман наконец встал и, почёсываясь, прошлёпал к окну. Отодвинув занавеску и распахнув створку, выглянул во двор. Утренняя свежесть, сдобренная нотками навоза, бодрила. Давешний ободранный петух взгромоздился на плетень, где его точно не достала бы шавка, с лентой наблюдавшая за хаотичным перемещением кур по вверенной ей территории. Неподалёку в грязной луже с царственным видом возлежала хавронья необъятных размеров, таких огромных свиней прежде Копытману видеть не доводилось, он даже на всякий случай протёр глаза. Возле свиноматки увивались с десяток поросят, оглашавших двор резким повизгиванием.

Отмахнувшись от ранней мухи, Пётр Иванович с хрустом потянулся, и в этот момент откуда-то снизу раздался крик:

– Дунька, дура, неси воду в самовар!

Спустя полминуты по двору пробежала босая девка, одной рукой придерживая подол сарафана, а второй вцепившись в ручку пустого деревянного ведра с железной опояской. Минуты через три она просеменила обратно, уже с полным ведром.

Затворив створку, чтобы не налетело со двора мух, он вернулся к кровати и обнаружил на стуле свою аккуратно сложенную, выстиранную и выглаженную одежду. И когда только успели, удивился про себя Пётр Иванович, неужто всю ночь без сна приводили его платье в порядок? Да ещё и ботинки вычищены, не иначе Селифан постарался, пока инспектор изволили почивать.

Он снова лёг в постель, но сон больше не шёл. В голову полезли мысли о его нынешнем положении.

«Вот ведь какая петрушка получается, – думал инспектор. – Жил себе, никого не трогал, ежели только по служебной необходимости, пока в этот треклятый Выборг не отправили... Что ж за неведомая сила перенесла меня на полтораста с лишним лет назад? Не иначе в том лесу какая-то временно-пространственная аномалия. Да и туман тот странный... Но раз уж так, то, как отмечал тот же Шопенгауэр, форма жизни есть настоящее. Вот и будем исходить из этого постулата, отбросив ненужные домыслы и сосредоточившись на решении насущных задач».

Настало семь часов, чему свидетельствовали показания его хронометра. Копытман встал, натянул носки, которые, верно, нужно было тоже отдать в стирку, но теперь уж об этом поздно сожалеть, оделся в форму, про себя удивляясь накрахмаленному воротничку, обулся, осмотрел себя в зеркале над комодом и остался не вполне доволен своим внешним видом, потому как щёки и подбородок поросли отдающей синевой щетиной. Он выглянул в коридор, и тут же

ему на глаза попался пробежавший мимо Селифан, держа в руках чьи-то вычищенные сапоги. Завидев постояльца, тот притормозил и пожелал доброго утречка.

– Постой-ка, братец, – обратился к нему Копытман. – Не мог бы ты принести бритвенные принадлежности?

– Сей момент, сударь!

Этого «сей момент», впрочем, пришлось ждать около получаса, за которые, устав держать в себе силой воли результаты плотного ужина, Пётр Иванович успел сбежать по нужде во двор. Правда, ещё вчера он обнаружил под кроватью ночной горшок, но решил, что нечего гадить в комнате, чай не инвалид и во двор сбегает. Вернувшись, инспектор обнаружил на комоду у зеркала блюдо с горячей водой, помазок со свиной щетиной, мыло и острозаточенную опасную бритву. Чуть в стороне стоял флакон одеколона «Тройной», состоявший, если верить надписи на этикетке, из эфирных масел бергамота, лимона и не-роли.

«Чёрт, как же этим бриться? – размышлял Копытман, привыкший к безопасной бритве Gillette Fusion Proglide, гелю для бритья и лосьону для умягчения побритых мест. – Ладно, была не была, постараюсь быть аккуратнее».

Но, как инспектор ни старался, пару раз всё же легко порезался. Однако всю щетину с физиономии вычистил, протёр кожу одеколоном, морщась, когда доходил до порезов, и теперь был своим внешним видом вполне удовлетворён, напоследок выдавив выскочивший за ночь на носу прыщик и протерев место жгучей жидкостью с ароматом всё тех же бергамота, лимона и нероли. Потом он почувствовал, что не мешало бы позавтракать. Раз уж вчера с него денег не взяли, вероятно, и сегодня не спросят.

Давешний половой словно ждал появления наделавшего шуму постояльца. Предложил яичницу на шкварках с помидорами или молочную кашу. Подумав, Пётр Иванович выбрал первое, потому как желудок его не был расположен к молочным блюдам и самому молоку соответственно, отзываясь на это неприятной слабостью.

К яичнице подали кисель и вчерашний пирог. Тут и сам хозяин постоялого двора объявился. Премило раскланялся с Петром Ивановичем и протянул свежий номер «N-ских ведомостей»:

– Вот-с, о вас пишут-с. – И ткнул пальцем в маленькую заметку в разделе «Хроника».

Водрузив на нос очки, Копытман принялся читать.

«7 августа сего года в N-ск пожаловал чиновник из столицы, коллежский асессор Пётр Иванович Копытин. На подъезде к нашему Богом хранимому городу на г-на Копытина напали разбойники, давно уже озорничающие на Симбирском тракте, ограбили и едва не лишили жизни государственное лицо. К счастью, провидение послало навстречу г-ну Копытину дочь уездного судьи г-жу Елизавету Мухину, которая, будучи девицей доброй, доставила столичного гостя на постоялый двор г-на Гусака, где ныне г-н Копытин и пребывает. О цели его прибытия в N-ск доподлинно неизвестно, но, как можно догадываться, приехал он с проверкой, о результатах которой мы рано или поздно будем оповещены».

Подпись под заметкой принадлежала тому самому щёголю, что встретился им накануне на бричке, – Недопейводе.

«Оперативно работает, сволочь», – не без уважения подумал Пётр Иванович, возвращая газету хозяину постоялого двора.

– А что, Фёдор Тимофеевич, нет ли в вашем городе приличного шляпных дел мастера, что изготовил бы мне новую фуражку взамен утерянной? – поинтересовался инспектор у Гусака.

– Как не быть, ваше высокоблагородие, имеются, и не один-с. Я бы порекомендовал вам Лазаря Шмулевича, у него хоть и не салон, но руки воистину золотые, на любой вкус мастерит, не хуже заграничных получают. Все наши N-ские чиновники к нему ходят. Хотя и берёт он, по правде сказать, прилично.

– А что, в кредит шляп он не шьёт? – с надеждой спросил Копытман, потому что просить денег у Елизаветы Кузьминичны ему страшно не хотелось.

– Насчёт этого-с не имею чести знать. Впрочем, готов пригласить Лазаря Моисеевича на предмет вашего с ним дела, думаю, он найдёт время почтить вниманием столь высокую персону.

– Буду вам премного обязан.

Совершенно не имея понятия, что делать дальше, Пётр Иванович поднялся к себе в номер, снял пиджак, скинул ботинки и улёгся на постель, решив вновь предаться размышлениям. Однако его думы были прерваны появлением Осипа. Кучер и одновременно слуга судейской семьи забрал письма и, в свою очередь, отдал Копытману записку, написанную рукой Елизаветы Кузьминичны.

«Сударь, Пётр Иванович, посылаю Вам с Осипом это письмо, в надежде, что Вы соизволите его прочесть. Вчера вечером мой папенька, узнав о Вашем появлении в N-ске, выразил желание познакомиться с Вами поближе, так сказать *tkte-a-tkte*, и приглашает Вас сегодня у нас отобедать. Ежели соизволите согласиться, то напишите и отдайте сей же час записку Осипу, он будет ждать Вашего ответа.

С искренним почтением, *Е.К. Мухина*».

«Ого, – подумал Копытман, – как-то неожиданно я начинаю входить в жизнь этого уездного городка. Однако отказывать было бы неучтиво, да и чем я, собственно говоря, рискую?»

Провертев таким образом в голове мысли, Пётр Иванович уселся писать ответ, благо письменный прибор со вчерашнего вечера остался на столе, так же как и аспидная доска. В письме, проклиная про себя нынешний эпистолярный жанр, он выразил всяческое почтение к уездному судье и обещал всенепременно явиться к обеду, ежели только за ним соизволят заехать, потому как с городом незнаком и легко может заплутать.

Отправив Осипа, Пётр Иванович стал думать, как бы предстать перед этим самым Мухиным в выгодном свете. Но его размышления вновь были прерваны, на этот раз появлением Селифана, который передал приглашение отужинать в доме городничего, Антона Филипповича Муравьёва-Афинского. Тот даже пообещал прислать ввечеру экипаж. Текст был составлен на хорошей бумаге и закреплён личной печатью самого городничего.

«Похоже, сегодняшней день обещает быть весьма занятным, – решил Копытман. – Но делать нечего, от таких приглашений не отказываются. Хотя, видимо, в их глазах я тоже представляю собой величину, ежели они один за другим шлют мне приглашения. Чай не каждый день в это захолустье приезжают чиновники из столицы. Таким образом, обедаем у судьи, а ужинаем у городничего».

Не прошло и полчаса, как к Копытману заявили просители. Первой была помещица Лютикова, владевшая имением в пятнадцати вёрстах от N-ска. Помещица приехала в город утром по делам и о столичном инспекторе узнала из слухов, которыми уже с вечера был наводнён уездный город. Это была женщина лет пятидесяти пяти, гренадёрской стати и с трубным голосом, при звуках которого невольно хотелось вжать голову в плечи.

– Я вдова! – с порога заявила Лютикова, выпятив грудь невероятных размеров. – Мой Фрол Митрофанович француза воевал, ранен был, оттого и скончался три года тому как. А мне как вдове положенную пенсию не плотють.

– Что, совсем? – тихо спросил Пётр Иванович.

Сидел он на кровати, потому что стул пришлось уступить нежданной гостье, принёсшей с собой корзину, накрытую тряпицей, под которой что-то шевелилось. Это шевеление слегка нервировало инспектора, ему чудилось, что в корзине целый клубок змей и, ежели он чем-то вдове не угодит, та сдёрнет тряпицу и начнёт кидаться в него гадами.

Муж помещицы, Фрол Митрофанович Лютиков, и впрямь входил в ополчение, командовал своими вставшими под ружьё – вернее, топоры и вилы – крестьянами, но всерьёз повоевать ему не довелось. Потому что, когда ополчение собрали, француза уже погнали от Москвы, и Лютиков по прибытии на место прежней дислокации командования был отправлен обратно. Вот по пути в своё поместье и случилась неприятность: старая лошадь под Лютиковым споткнулась, и он, кубарем скатившись с седла, сломал лодыжку. Помер же он... – утоп в пруду в нетрезвом виде, однако вдова представила дело так, будто скончался её супруг от последствий ран, полученных на войне, и усердно обивала пороги разного рода государственных учреждений, требуя компенсацию за потерю кормильца. Хотя кормилец из Фрола Митрофановича был тот ещё. Помещик при жизни славился на всю округу пристрастием к картам и вину, тискал дворовых баб, и поместье его, мягко говоря, не процветало, а за последние двадцать лет и вовсе две деревни и полторы сотни душ крестьян ушли по закладной.

– Совсем не платят, – заявила помещица.

– А почему?

– А никакой он у тебя, гряд, не герой Отечественной войны, мол, и француза-то не видел.

– Так что?

– Так и ничего, отец родной, суют мне свой «Устав о пенсиях и единовременных пособиях»¹ за подписью императора Николая Первого, мол, ты под эти статьи не попадаешь. А как же не попадаю, когда муж мой кровь проливал за царя и Отечество?! Мой-то Фрол жизнь готов был положить: как француз к нам пришёл, так сразу и подхватился, да только его батюшка не отпускали первое время. Шёл на смерть, только Бог миловал, уберёг от гибели на фронтах, а эти щелкопёры мне пенсию платить не желают.

Чувствуя, что этот разговор заведёт его в такие дебри, из которых можно и не выпутаться, Пётр Иванович предпочёл закончить препирания и решительно поднялся с кровати.

– Что ж, уважаемая... э-э-э...

– Антонида Поликарповна я.

– Что ж, уважаемая Антонида Поликарповна, вашей пенсией мы обязательно займёмся, как только разрешим первостепенные дела государственной важности. Не беспокойтесь, ступайте с Богом!

– Спасибо тебе, отец родной, свечку за твоё здоровье нынче же поставлю, – всплеснула руками помещица и сдёрнула с корзины тряпицу, заставив постояльца испуганно отпрянуть. – А это прими в дар, намедни с утра на базаре была, поросю на развод взяла, отрываю от сердца. – И протянула Копытману розового поросёнка, глянувшего на нового хозяина томным взглядом из-под длинных прозрачных ресниц.

Инспектор начал было отнекиваться, так как совершенно не представлял, что ему делать с поросюком, но помещица оказалась весьма настойчивой особой, и ему пришлось принять на руки Божью тварь. Хорошо, корзину Лютикова тоже оставила, иначе пришлось бы поросёнку бегать по комнате, путаясь под ногами. Своё место в корзине розовое чудо заняло беспреколловно, по-прежнему не сводя с налогового инспектора нежного взгляда. Копытман знал, что свиньи – существа всеядные, а потому надеялся, что с питанием для подарка проблем возникнуть не должно, если, конечно, ему и самому будет чем питаться. С другой стороны, оставлять у себя живность он совершенно не желал, и уже придумывал, кому бы его передарить.

От размышлений его оторвал очередной визитёр, которым оказался управляющий Н-ской богадельней Аполлинарий Никифорович Козырьков. Человек он был необычной, даже, можно сказать, комической внешности. Природа, создавая сей образ, явно пребывала в весё-

¹ 6 декабря 1827 г. император Николай I утвердил «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» государственным (военным и гражданским) служащим и подписал Указ правительствующему Сенату «к приведению его в действие» с 1 января 1828 г. Эту дату можно по праву считать днём создания в России Пенсионной системы.

лом настроения. Росточком Козырьков виделся чуть выше двух аршин, с приплюснутой, словно по ней ударили кувалдой, головой, близко посаженными и чуть выпученными глазками, заострённым курносом носом и жидкой кисточкой усов под ним, отчего чем-то походил на осётра. Речь его была сбивчива и тороплива, будто он опасался не успеть донести до собеседника свою мысль, поэтому Копытман не сразу понял, чего, собственно, хочет этот человечешко в засаленном сюртуке, бухнувшийся на колени, едва перешагнув порог.

– Ваше высокоблагородие, не губите! Помилуйте, ваше высокоблагородие, не велите казнить, только не каторга, у меня детки, трое, не оставьте их сиротами...

– Пойдите, я вас решительно не понимаю! – взмолился Пётр Иванович. – Ну-ка, поднимитесь с колен, что вы, право, устраиваете тут балаган. А теперь сядьте и изложите вопрос, с которым сюда явились.

Проситель, покорно заняв место на стуле, свёл ноги вместе, а ладони, словно прилежный ученик, положил на колени. Его кроткий взгляд, который, казалось, мог принадлежать застенчивой лани, был направлен куда-то в район пупка Петра Ивановича.

– Аполлинарий Никифорович Козырьков, управляющий богадельней, – представился гость, не поднимая глаз.

– Очень приятно, Аполлинарий Никифорович. Рассказывайте, только внятно, что вас сюда привело.

– Виноват, бес попутал. – Козырьков сделал движение вновь упасть на колени, однако Копытман успел его осадить.

– Что за бес? Имя, фамилия.

– Чьё имя? – опешил посетитель.

– Беса, который вас попутал, – вволю издевался Копытман.

– Дык... Нечистый. Он и попутал.

– Ага, понятно. Ну и каким же образом он вас попутал?

Далее выяснилось, что, занимая должность управляющего богадельней последние семь лет, шесть из них Аполлинарий Никифорович приворовывал казённые средства. Но понемногу, потому что опасался быть пойманным и подверженным справедливой каре, однако ж остановиться не мог, глядя, как деньги и материальное имущество текут сквозь его пальцы.

«Ну что, – думал он, – ежели мы поставим сюда старую кровать, а в купчую впишем как новую. Не всё ли равно старухе, на какой кровати спать. Старая даже удобнее, обжитая, даром что на ней вчера моя тётка богу душу отдала».

Так и поступал, а деньги, потраченные якобы на новую кровать, разумеется, оставлял себе. В другой раз лично ходил на базар, покупал из подгнившего, вполцены, опять же проводя сию операцию себе на пользу. Однако ж всё это время Аполлинарий Никифорович испытывал тяжелейшие душевные страдания, постоянно ожидая справедливой кары за свою слабость. И когда узнал о приезде столичного инспектора, то сразу же придумал себе, будто тот явился по его душу. Не выдержав, отправился каяться, и теперь всячески просит о снисхождении, потому как тюрьма или каторга лягут невыносимым бременем на его семью, в коей имелось трое несовершеннолетних отпрысков.

– Скажите, ваше высокоблагородие, как я могу загладить свою вину? – вопрошал со слабой надеждой в голосе Козырьков.

Пётр Иванович понял, что с этого пройдохи можно сорвать куш, пусть и небольшой. А потому враз отвердевшим голосом предложил тому садиться за стол и писать покающую, что поникший проситель покорно и сделал.

– Так-с, недурно, недурно, – задумчиво произнёс Копытман, вчетверо складывая лист с признательными показаниями. – Пусть это пока побудет у меня. На будущее – из города не выезжайте, чтобы я в любой момент мог вас отыскать. К слову, нет ли у вас фактов казнокрадства от других лиц, занимающих серьёзные посты в городе?

Зрачки Козырькова забегали с такой стремительностью, что казалось, сейчас покинут пределы глазного яблока и отправятся в самостоятельное путешествие. Видно было невооружённым глазом, как он смущён этим вопросом и какая борьба происходит внутри его.

– Так ведь... Милостивый сударь, ежели кто и приворовывают, они же мне не докладывают. А слухи, знаете ли, на то и слухи; что одна баба сказала – то другая и понесла, да ещё и переверамши десять раз. Разве же можно им верить, слухам-то. – И застенчиво хихикнул, приложив пальцы к губам.

– Ладно, это мы обсудим как-нибудь после, – снизошёл к посетителю Пётр Иванович. – А как, кстати, вы относитесь к свиньям?

– К свиньям? – опешил Козырьков.

– Да-да, к свиньям. Видите ли, у меня тут имеется замечательный поросё на развод, хряк из него вырастет пре-чудеснейший, – кивнул Копытман в угол, куда задвинул корзину с поросёнком. – Однако мне он в тягость, не везти же его в Петербург, боюсь, дороги не выдержит. Вот я и думаю, кто бы его у меня купил.

Аполлинарий Никифорович был в меру сообразительным малым, и на этот раз его сообразительности хватило, чтобы понять – ему сейчас пытаются всучить скотину, которая Козырькову, в общем-то, и даром не нужна. Разве что в запечённом виде. Однако ж у столичного чиновника в этом имеется интерес, а значит, нужно подыграть, чтобы немного приподнять себя в глазах собеседника.

– Отчего же-с, – зарядил словоерсом чуть осмелевший посетитель. – Отчего же-с не купить такого изумительного поросё. Сколько вы за него попросите?

– Да сколько не жалко, – махнул рукой Пётр Иванович, думая, как бы не прогадать.

– А вот у меня с собой две синеньких и одна красенькая, всего на двадцать рубликов-с, – вытащил из кармана ассигнации Аполлинарий Никифорович.

– Ну что ж, цена достойная, – согласился Копытман, не зная, как в реальности соотносятся цена поросёнка и сумма, за него предлагаемая. – Кладите ваши ассигнации на стол и можете забирать сие ангельское создание. Кстати, его зовут Дамед.

Это уже была чистой воды импровизация, основанная на инициале и первых буквах фамилии одного из российских правителей. Но в это время Пётр Иванович мог шутить, не опасаясь последствий, да и кому в голову пришло бы, что значит это загадочное, похожее на греческое или римское имя. Наречённый Дамед, сменивший очередного хозяина, на прощание тихо хрюкнул и отбыл с Козырьковым.

«Однако же, – размышлял Пётр Иванович, – как в это время легко, не имея при себе никаких документов, прикинуться важной птицей. В эпоху отсутствия не то что Интернета, а даже телефона и телеграфа опровергнуть придуманную Лизой легенду оказывается нелёгкой задачей. Впрочем, посмотрим, как меня будут принимать в дальнейшем».

Третьим в номер пожаловал уже не проситель, а шляпных дел мастер, тот самый обещанный Лазарь Моисеевич Шмулевич. Это был худой старик в стоптанных туфлях, упакованных в калоши, хотя вроде на улице было сухо, в жилетке и шляпе, из-под которой выбивалась всё ещё тёмная шевелюра, правда, местами с лёгкой проседью. Он сильно горбился, и руки его при этом, казалось, доставали до пола, как у обезьяны.

«Как же кстати я продал этого поросёнка», – подумал Копытман, покосившись в сторону комода, где были спрятаны вырученные от реализации будущего хряка ассигнации.

Шмулевич попросил описать, что за головной убор желают его высокоблагородие, и тому оказалось легче изобразить фуражку на бумаге.

– Кокарды, должно быть, такой, как нужно, у вас нет, ну прилепите хотя бы что-нибудь вроде того, с двуглавым орлом, – предложил Копытман.

– Из какой материи желаете и каких цветов? – любопытствовал шляпник. – Или латунную?

Напрягши память, Пётр Иванович вспомнил, что в эти времена металлические кокарды, должно быть, ещё не получили широкого распространения, поэтому согласился на латунную или какого другого недорогого металла. Шмулевич заверил, что что-нибудь поищет, и принялся измерять окружность головы заказчика, записывая циферки грифелем себе в листочек.

– Сколько с меня в итоге? – спросил инспектор, когда с замерами было покончено.

Лазарь Моисеевич произвёл в уме нехитрую смету расходных материалов и стоимости работы и озвучил цену в три целковых серебром или ассигнациями. Когда же Копытман изъявил желание оплатить немедленно, шляпник замахал руками:

– Не могу взять, ваше высокоблагородие! Я денег вперёд не беру, извольте оплатить по факту. Завтра уже обещаю представить вам изделие. А пока вот. – Жестом фокусника он извлёк из своего саквояжа сплюснутый цилиндр и ловко его расправил. – Извольте принять шапокляк. Не бобровый фетр, а всего лишь шёлк, однако без головного убора человеку вашего звания не пристало на людях появляться, вдруг наемдни куда-то выйти потребуется. А завтра я вам на замену привезу уже фуражку.

Пётр Иванович принял блестящий чёрным шапокляк, нахлобучил на голову и едва не прыснул со смеху. В этом складном цилиндре он смотрелся, как ему казалось, весьма комично. Но, с другой стороны, нынче ему предстояли два визита, сначала к судье, а затем к городничему, так что в его ситуации выбирать не приходилось.

И в час дня за инспектором заехало то самое, запряжённое парой гнедых ландо, в котором он встретил накануне свою спасительницу. Управлял транспортным средством всё тот же хмурый и неразговорчивый Осип.

Наконец Пётр Иванович, проведший сутки на постоялом дворе, получил возможность поглядеть город. N-ск представлял собой обычный на вид уездный городишко с населением в тридцать пять тысяч душ. Мостовая мощена округлым камнем красноватого оттенка. Впрочем, местами камень отсутствовал, и ландо то одним, то другим колесом ухало вниз, отчего Пётр Иванович чувствовал себя не очень уютно. Однако поглядывал по сторонам. Проехали мимо ресторации под многообещающим названием «АперитивЪ», миновали цирюльню, «Модный магазин мадемуазель Мари», «Галантерейные товары месье Жака», погребальную контору «Последний приют»... Попросил задержаться у лавки, торгующей орехами, изюмом и сухофруктами. Держал её грек Пехлеваниди – маленький, загорелый, с жидкой растительностью под носом и красной с чёрным шёлковой кистью на феске на голове.

– Чего господу желают? – спросил он, угодливо улыбаясь посетителю. – Вот, только вчера привезли курагу, она ещё хранит тепло солнца Эллады. Да вы попробуйте!

Копытман выудил из предложенного холщового мешочка сушённый абрикос и не без удовольствия принялся его жевать. Курага показалась ему даже вкуснее той, что он пробовал в своём времени, хотя выглядела довольно невзрачно – была не оранжевого, а тёмно-коричневого цвета. Важно покивав, спросил, сколько стоит, и велел завесить с фунт. Получив в руки кулёк из вощёной бумаги, сунул лавочнику рупь, пока же тот отсчитывал сдачи семьдесят копеек, попросил на оставшуюся сдачу с рубля насыпать очищенного от скорлупы грецкого ореха. Довольный грек насыпал даже с походом и с улыбкой проводил посетителя до двери своей небольшой лавочки.

В центре N-ска размещался самый большой в городе Благовещенский собор, перед которым располагалась главная торговая площадь города. Долго ехали вдоль церковной ограды, возле которой обитали калеки и попрошайки самых разных мастей. Копытман расслышал, как один сидевший на доске безногий, задрав кверху редкую бороду, высоким речитативом вещал в адрес проходившего мимо купчины с семейством:

– Подайте Христа ради участнику турецкой кампании! Век Господа молить за вас буду, не обидьте калеку, проливавшего кровь за царя и Отечество.

Купчина смилостивился, кинул ему в картуз мелкую монету, едва успев спасти свою руку от благодарного лобызания. Осип, размашисто перекрестившись на купола, поддел сбавивших шаг гнедых кнутом, умудрившись хлестнуть одновременно по двум крупам.

Затем виды сменились, проехали вход в городской сад, представлявший собой две чугунные колонны с соответствующей вывеской над ними, обрамлённой по краям литыми херувимами.

– А что, голубчик, долго ли ещё ехать к дому судьи? – поинтересовался Пётр Иванович после очередного ухаба.

– Почитай что приехали, вашбродь, – ответил немногословный кучер, не поворачивая головы.

И впрямь, вскоре показался двухэтажный дом уездного судьи, представлявший собой образчик архитектуры в стиле ампир. Ландо остановилось у парадного подъезда, и в этот момент из дверей, словно поджидая, вышел господин лет около шестидесяти, с седыми бакенбардами и прозорливым взглядом серых глаз. Рядом с ним, чуть позади, скромницей стояла Елизавета Кузьминична. На этот раз в другом, не менее нарядном платье, но с меньшим количеством пудры на лице, отчего показалась инспектору даже более молодой и приятной на вид. Пожалуй, ей чуть за двадцать, не более того. Но что более всего поразило Петра Ивановича – на правой руке девицы красовался брегет, хитро прикреплённый к изящному запястью синей шёлковой лентой.

– Польщён, весьма польщён вашим вниманием, сударь, – вывел гостя из ступора хозяин дома и тут же представился: – Имею честь, уездный судья Кузьма Аникеевич Мухин.

– Весьма рад знакомству, – пожал протянутую руку инспектор и, стянув с головы шапоклjak, сложил его и передал подошедшему слуге. – Копытин Пётр Иванович, чиновник особых дел из Петербурга. Дочь ваша, Елизавета Кузьминична, вам уже обо мне, видимо, рассказывала...

– А как же-с, рассказывала, и о беде вашей рассказывала, моё глубочайшее сожаление. Уверен, военный наряд уже послан, хотя, признаюсь честно, надежды на успех предприятия не так много. Этих нехристей мы уже второй год пытаемся изловить, но всё без толку. Налетят, дело своё мерзопакостное сделают – и как в воду... Что ж мы стоим, проходите в дом, скоро обед будет готов.

Парадная лестница судейского дома, ведущая на второй этаж, была выстлана бордового цвета дорожкой. Хозяин препроводил гостя в курительную комнату, где с разрешения последнего набил трубку и запалил табак, всасывая через длинный чубук дым и затем выпуская его в потолок. На столике меж ними стояли чашки с горячим кофе и тарелка с бисквитными печеньями. Одно Пётр Иванович взял, надкусил и по достоинству оценил его нежнейший вкус.

– А вот от меня небольшой презент, думаю, вам и вашей дочери понравится.

Копытман наконец избавился от двух бумажных пакетов, которые торчали из его карманов, и Мухин не без удовольствия распробовал курагу и орехи.

Лизонька отсутствовала, видно не позволяя себе вмешиваться в мужские разговоры. Она и впрямь не имела доступа в эту комнату, где, бывало, её папенька встречал гостей и вёл с ними деловые беседы или просто уединялся с трубкой. Привычку курить трубку с длинным чубуком Мухин приобрёл в ходе французской кампании, когда служил адъютантом генерал-лейтенанта Тучкова². Последний, к слову, будучи тяжело ранен у деревни Утицы, после долгих мучений отдал Богу душу практически на руках Кузьмы Аникеевича.

² Т у ч к о в Николай Алексеевич – генерал-лейтенант российской армии, командир пехотного корпуса, старший из четырёх братьев, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. Погиб во время Бородинского сражения. Сдерживая натиск превосходящего в силе врага в бою за высоту близ Утицы, старший Тучков был впереди полка. Французы не взяли высоту, «но пуля пробила Тучкову грудь, и замертво отнесли его с поля сражения». Практически в это же время погиб и его младший брат, генерал-майор Александр Тучков.

Спустя три года после победы над Бонапартом Мухин вышел в отставку, вернувшись в родной N-ск, где ему устроили судебную должность, а вскоре он женился на дочери помещика Калинина. При первых же родах, Лизы, её мать скончалась. Кузьма Аникеевич так более и не женился, всю свою любовь направив на единственную дочь. Однако он был в меру как любящим, так и строгим родителем. Следует также сказать, что Мухин слыл патриотом своей Отчизны и на увлечения дочери парижскими модами смотрел без одобрения. Но лишний раз не одёргивал, надеясь, что с возрастом она поумнеет и перестанет попусту восторгаться заграницей.

Как бы там ни было, сейчас дочь его уединилась с вязаньем, а беседа меж тем судьёй велась вроде бы и ни о чём, но Копытман чувствовал, что более это походило на скрытый допрос.

– Так вы, сударь, говорите, что и деньги, и документы все достались грабителям? – ещё раз переспросил судья, выпустив дым теперь через нос.

– Так и есть, Кузьма Аникеевич, остался гол как сокол, хорошо хоть, голову унести удалось.

– А как выглядели те грабители, не припомните?

– Дайте-ка минутку...

Пётр Иванович наморщил лоб, делая вид, что пытается вспомнить внешность грабителей.

– Беда в том, что все они нижнюю часть лица прикрывали тёмными платками, под которыми всё же угадывались бороды. Голоса грубые, хотя в одном можно было угадать главного – остальные его слушались. И говорил тот более благородно, выглядел повыше и статнее остальных, пистоль имел побогаче, к тому же и одежонка на нём была поприличнее, хотя как по мне – все они были выряжены в лохмотья, не исключено, с целью не выдать себя, – выдумывал на ходу Копытман.

– Повыше, говорите, да постатнее? – задумчиво повторил судья, зажмурив глаза. – Кто бы это мог быть, хотелось мне знать... Других-то свидетелей всё равно нет, прежние жертвы грабителей были убиты, а над путешественницами женского полу перед тем, как лишить их жизни, негодяи надругались. А как же вам, сударь, удалось вырваться из лап преступников?

– Да с Божьей помощью и собственной ловкостью, – сказал Пётр Иванович, лихорадочно придумывая сценарий. – Когда с кучером было покончено, их главный решил приняться за меня. Открыл дверцу кареты, в этот момент я его толкнул ногой, а сам дёру в лес, благо тот своей густотой мог бы поспорить с дебрями Амазонки, где мне, впрочем, бывать ещё не приходилось. Там и затерялся, бродил добрых полдня, прежде чем вновь вышел на Симбирский тракт.

– Однако вас голыми руками не возьмёшь, – задумчиво проговорил судья, и непонятно было, что он хотел сказать этой фразой.

В этот момент раздался учтивый стук, дверь приотворилась, и в проёме показалась лохматая седая голова Гаврилы, служившего у судьи ещё с незапамятных лет и вместе с ним прошедшего французскую кампанию.

– Кушать подано, Кузьма Аникеевич, – пророкотал тот и исчез, затворив за собой дверь.

Спустя несколько минут все расселись за столом. Помимо хозяина и гостя, тут же присутствовала Елизавета Кузьминична, а также вчерашняя тётя Настасья Фёдоровна, перекрестившаяся на образ в углу залы.

Пока Гаврила из фарфоровой супницы разливал горячее пахучее варево, Пётр Иванович решил выразить судьейской дочке *remerciements*.

– Хочу выразить премногую благодарность Елизавете Кузьминичне за её участие в моей беде, – сказал он. – Если бы не её доброта, один Бог знает, что бы ещё пришлось претерпеть вашему покорному слуге. Могу заверить, что как только мне пришлют из Петербурга деньги и документы, я сразу возьму их, сударыня, все расходы.

– Ах, право, не стоит, – зарделась Лизонька.

– И в самом деле, было бы о чём речь вести, – подхватил Кузьма Аникеевич. – Вы лучше отведайте рассольника, его наша кухарка Ефросинья готовит по старинному рецепту, с бараньими почками.

Рассольник и впрямь оказался хорош. Не евший с утра Копытман с удовольствием отправлял в рот ложку за ложкой, впрочем стараясь всячески соблюдать правила приличия за столом. Ради этого он предварительно заправил за воротник салфетку, а когда приступили ко второму блюду – сёмге в окружении варёных овощей и зелени – первым делом подсмотрел, как держат вилку и нож его соседи по столу. Одним словом, обошлось без *les malentendus*³, как было принято говорить в современном обществе.

Честно сказать, если в английской речи и письме Пётр Иванович более-менее разбирался, то французский язык для него оставался далёким просто потому, что в XXI веке не пользовался такой же популярностью, как в веке XIX. Поэтому, когда Лизонька завела речь о столичных поветриях, он, дабы не осрамиться, решил нанести предупреждающий удар.

– В Петербурге, да и в Москве, пожалуй, в последнее время стараются больше оборачиваться к русскому, нежели заграничному, – сказал он. – В том числе отдаляются от французской речи, предпочитая заменять её русскими словами и выражениями. И словоерсы уходят в прошлое, все эти нуте-с и так-с уже считаются пережитком и достоянием провинциальных городов. Мало того, в письме уже стараются отходить от ятей, потому как нужды в них никакой, только отвлекают от содержания написанного.

– Наверное, совсем новая мода, в прошлом году, будучи в Петербурге по делам, я такого не слышал, – вставил немало удивлённый судья.

– Да, повелось с этого года, и радетелем русской культуры, как бы странно это ни звучало, стал сам граф Александр Христофорович Бенкендорф, – врал напропалую Копытман. – Казалось бы, потомок балтийских немцев, однако готов и жизнь, и душу положить на алтарь русского Отечества.

– О подвигах Александра Христофоровича мы премного наслышаны, – согласился Мухин, отодвигая тарелку тонкого фарфора с тщательно обглоданными рыбьими костями. – Геройский человек, величайший ум и при этом несгибаемый борец с инакомыслием.

В голосе судьи, как показалось Петру Ивановичу, промелькнула ирония, но он решил на этот счёт не слишком ломать голову.

– А вы слышали, что на Кавказе был застрелен поручик Лермонтов? – сменила тему Лизонька.

А и в самом деле, как он мог забыть, что 15 июля по старому – то есть применявшемуся ныне – стилю у горы Машук на дуэли был убит поэт Михаил Лермонтов.

– Жаль, жаль человека, большие надежды подавал как поэт, – вздохнул инспектор. – Правда, ходили слухи, что он отличался несносным нравом, а эта дуэль стала следствием обидной шпильки в адрес его старого друга – майора Мартынова. Увы, гении зачастую имеют дурной характер. – И продекламировал:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

³ Недоразумение (*фр.*).

Закончив читать, Копытман ещё раз вздохнул, исподволь отмечая, как покраснели румянцем щеки Елизаветы Кузьминичны. Её романтическая натура после таких стихов сразу дала о себе знать, и некоторое время девица ещё бросала в сторону гостя откровенно томные взгляды.

– А что, ваша дочь замуж не собирается? – отчего-то спросил Копытман, желая разрушить неловкую паузу.

– Может, и собирается, да только мне, как отцу, виднее, с кем она пойдёт под венец. Вот найдётся достойный жених – и милости просим.

– Да где же найдёшь их, достойных женихов, в наших палестинах?! – всплеснула руками Лизонька. – Папенька желают мне достойную партию, а я уже, право слово, за любого помещика согласна. А лучше, конечно, за столичного чиновника. – И так многозначительно посмотрела на Копытмана, что у бедняги сразу выступила испарина.

– Пётр Иванович, а вы расскажите о себе, – неожиданно предложил Мухин. – А то мы только и знаем, что вы столичный чиновник, а кто таков, по каким делам к нам – приходится гадать.

– Дело моё публичной огласке не подлежит, – напустил туману инспектор, – равно как и подробности моей службы, являющейся государственной тайной. А о себе, что ж, могу сказать несколько слов. Прадед мой, Яков Хофер, происходил из литовских немцев, служил наёмником. Затем нанялся к русскому царю, Петру I, за верную службу был пожалован помещьем в Торопецком уезде Псковской губернии, и фамилию принял на русский лад, ведь по-немецки *hoof* значит «копыто». Однако сын его – мой дед – имение проиграл в карты. Отец мой пошёл по чиновничьей линии, да и я продолжил его дело, дослужился до чина коллежского асессора в тайном ведомстве.

– А можете подробнее рассказать о ваших родителях?

– Отчего же... Мой папенька в молодые годы проходил военную службу и даже отличился в боевых действиях с французом. В битве при селе Бородино он своим телом прикрыл от осколков артиллерийской гранаты генерала от кавалерии Николая Раевского, чем спас ему жизнь, но сам затем долго лечился в госпиталях. Там уж и война завершилась, так что папенька в дальнейшем пошёл по чиновничьей линии, в дальнейшем выбрав эту стезю и для своего единственного отпрыска, то бишь меня. Однако полученные на фронте ранения дали о себе знать и в итоге свели отца в могилу. Не выдержав потрясения, от лихоманки слегла матушка, промучилась три месяца и тоже скончалась. Таким образом, я остался один-одинёшенек на всём белом свете. Если не считать дальних родственников, проживающих где-то в Костромской губернии.

Инспектору было крайне неудобно так врать о своей семье, однако подобный финал мог бы пресечь дальнейшие расспросы на эту скользкую тему. И едва не пожалел. Он по жизни не выносил женских слёз, а Лизонька, услышав столь печальный рассказ, тут же начала всхлипывать. Впрочем, будучи натурой немного ветреной, девушка вскоре уже улыбалась какой-то забавной истории инспектора якобы из его профессиональной практики.

Копытман и сам удивлялся, с какой лёгкостью ему удаётся враньё, причём слушавшие, казалось, верили каждому его слову. Во всяком случае, тот же судья только кивал на его речи, не изображая ни взглядом, ни жестом какого-то недоверия. Да и что ж, ежели вздумает проверять – пускай шлёт запрос в Петербург или сам едет в столицу, да только как долго всё это затянется? К тому времени Копытман всё же надеялся как-то определиться со своим будущим, возможно, и сам махнув в родной Петербург, отдалённый от ему знакомого почти на двести лет в прошлое.

– Женаты ли? – спросил Мухин.

– Никак нет, всё, знаете ли, служба, не до того. Надеюсь когда-нибудь встретить свою судьбу, а то ведь годков уже немало, тридцать восемь стукнуло.

Вновь многообещающий взгляд Лизоньки, и снова Пётр Иванович почувствовал себя не в своей тарелке.

– Что ж, засиделся я у вас, – решил свернуть он беседу. – А мне ещё вечером ужинать в доме городничего, Муравьёва-Афинского, утром тоже получил от него приглашение.

– Антон Филиппович прекрасный человек и как градоначальник может служить примером многим, – высказался судья. – Передавайте ему от нас низжайший поклон.

– Обязательно передам. И вам от меня премногая благодарность за душевный приём и добрую трапезу...

Обратно на постоялый двор Петра Ивановича снова вёз Осип всё в том же ландо. По пути инспектор предался размышлениям о визите в дом судьи. Мухин показался Копытману человеком себе на уме, много думающим, но мало говорящим, и он дал себе зарок на будущее держать с ним ухо востро. А вот дочка его Лизонька, вопреки первому вчерашнему впечатлению, весьма даже мила, хотя, кто знает, может, она в присутствии папеньки вела себя скромнее, ну так ведь со временем – если оно будет – можно изучить Елизавету Кузьминичну и поближе. В таком радужном настроении он поднялся в свою комнату и принялся ждать вечернего часа, когда за ним заедут от дома городничего.

Глава 3

К арета, запряжённая четвёркой добрых лошадей, прибыла за Петром Ивановичем около семи вечера... Однако, прежде чем перенесёмся в дом местного градоначальника, на короткое время заглянем в почтовое отделение города N-ск, коим заведовал некто Август Феоктистович Касторский.

Почтмейстер человек был сухонький, невысок, прятал голову в плечи и никогда не осмеливался смотреть собеседнику в глаза. Происходил он из бедной семьи, а потому унаследовал привычку побаиваться чиновников ранга выше своего, коих, по правде сказать, в N-ске хватало.

Своё, не бог весть какое хлебное, место он заслужил преданной службой на протяжении почти тридцати лет, на почве чего от сидячей деятельности заработал геморрой. Правда, имелась у Августа Феоктистовича одна слабость. А именно – он, случалось, вскрывал чужую корреспонденцию, ежели адресат или отправитель чем-то привлекали его внимание. Не корысти ради, даже, коль ему случалось обнаружить в конверте мелкую ассигнацию или медный пятак, он их не трогал, а лишь обращал внимание на содержание письма. Учитывая же, что в те времена эпистолярный жанр переживал эпоху расцвета, некоторые письма читались словно поэмы. И при свете лучины почтмейстер погружался в жизнеописание адресантов, особенно обожая читать любовные письма, в коих иногда обнаруживал прядь женских волос или ещё какой-либо предмет, служивший объектом чужого воздыхания. В такие моменты в нём, словно лава в уснувшем веке назад вулкане, пробуждалась когда-то давно бушевавшая страсть, и он чувствовал себя годами моложе, статью справнее, а глаза его загорались отчаянным блеском.

Помимо этого почтмейстер также узнавал некоторые новости из жизни обывателей уездного города или тех, кто присылал им письма. У кого-то кошка окотилась пятью котятками, и один с глазами разного колера, у другого дочь в Москве двойню родила, о чём он оповещал старого боевого товарища, проживавшего в N-ске. Третий ногу сломал, катаясь зимой с отпрысками с горы на санях...

Когда же судейский кучер передал в руки Касторскому письмо от столичного инспектора самому Бенкендорфу, почтмейстер испытал знакомое волнение, предшествовавшее желанию вскрыть конверт и ознакомиться с его содержимым. А вскрывать сургучные печати Август Феоктистович наловчился преизрядно, используя для этого свой секретный метод.

Итак, прежде чем почтовый дилижанс с корреспонденцией отправился из уездного города в губернский, почтмейстер успел вскрыть конверт и ознакомиться с его содержимым. После чего с помощью нагретого лезвия перочинного ножика вернул печать в исходное состояние и сел осмысливать прочитанное. Из того, что он узнал, выходило, что столичный инспектор наметил как следует разворошить осиное гнездо мздоимцев и казнокрадов, коих – в чём Касторский был согласен – в городе имелось предостаточно.

За собой Август Феоктистович особых грехов не помнил, а своё пристрастие к вскрытию конвертов считал не преступлением, а так, мелкой шалостью, достойной разве что порицания. Однако ж информация, обладателем которой он только что стал, предполагала либо ничего не предпринимать, либо оповестить чиновничью братию о задумках столичного чиновника.

«С другой стороны, – думал он, – о приезде инспектора было напечатано в сегодняшнем номере „N-ских ведомостей“, так что многие и без того догадались, какая сурьёзная катавасия намечается. Стоит ли влезать в это дело, не будучи ангажированным никем из своих начальников для проверки корреспонденции? Могу в случае чего изобразить дурачка, мол, не привыкли мы чужие письма читать, тем более адресованные самому начальнику III отделения господину Бенкендорфу. За такую перлюстрацию можно не только должности, но и головы

лишиться. Так и скажу, в случае чего. Лучше посмотрим, как зашевелятся эти тараканы, ежели облить их скипидаром»...

Карета с Петром Ивановичем подъехала к парадной дома городничего – одного из монументальнейших зданий N-ска. Дом стоял, крепко оперевшись на колоннады, был он окрашен в бледно-жёлтый цвет и, в отличие от судейского, не двух, а трёх этажей.

Градоначальник вместе с женой, двумя дочерьми семнадцати и восемнадцати лет, а также предводителем уездного дворянства и доктором встречал гостя, как и судья до него, на ступенях. Антон Филиппович происходил, как он сам любил говорить, из старинного греческого рода и часто, как бы невзначай, поворачивался к собеседнику профилем, выгодно демонстрируя свой прямой нос. Если же посмотреть в анфас, то нос оказывался мясистым, при этом из ноздрей всенепременно торчали волоски, с которыми супруга городничего вела долгую и обречённую на поражение войну. Потому как если, бывало, с вечера повывёргивает у мужа эти самые волосья, то к утру они невероятным образом вырастали вновь.

Если градоначальник был слегка полноват, то жена его, Татьяна Леопольдовна, – худа как жердь. Она во многом вертела своим мужем, впрочем, как женщина умная, делая это в меру и исключительно дома, чтобы не принизить статус городничего в глазах обывателей. Дочки же были не красавицы, но и страшными их язык не поворачивался назвать. Так – ни то ни сё, где-то посередине. Антон Филиппович надеялся удачно пристроить их замуж и даже с подачи супруги присмотрел женихов – одного в Москве, другого в Петербурге.

Что же касается характера градоначальника, то был он в меру добр и в меру строг, своими полномочиями не злоупотреблял, но и спуску при случае не давал. В казнокрадстве замечен не был, однако от взяток не отказывался. А поскольку на поклон к нему по разного рода делам приходили часто, потому и нужды в средствах на своём посту Муравьёв-Афинский не испытывал.

Узнав о приезде проверяющего из столицы, Антон Филиппович в первый момент испытал лёгкое душевное волнение, своими переживаниями поделившись с супругой, но та поспешила мужа успокоить. Мол, не пойман – не вор.

– А пригласи-ка лучше, душа моя, этого чиновника на ужин, возможно, проникнется дружбой, да и мы получше разузнаем, что это за человек, – посоветовала она.

Что, собственно, Антон Филиппович и сделал, поскольку не придерживался правила: «Выслушай женщину и сделай наоборот».

– Весьма рад, что соизволили заглянуть в нашу скромную обитель, – раскрыв объятия, по-дружески обнял гостя градоначальник, разве что не решился облобызать. – Узнал о вашем приезде и тут же решил пригласить отужинать. В гостинице кормят, может, и сытно, но без изысков, а мы уж тут расстарались. Как говорится, гость на порог – ставь самовар и пироги... Это вот душа моя, супруга Татьяна Леопольдовна.

Копытман склонился, целуя пахнувшую смесью мускуса, ванили и амбры ручку хозяйки дома, чью голову украшал кружевной льняной чепец.

– А это предводитель дворянства N-ского уезда Вольдемар Аверьянович Ковыль, – представил градоначальник одного из двух стоявших по бокам и чуть позади него мужей.

Копытману сразу же вспомнился киношный Киса Воробьянинов в исполнении Сергея Филиппова. Правда, тот был худым и длинным, а этот низеньким и толстым, однако при этом весьма подвижным типом. Предводитель расплылся в подобострастной улыбке, сделал пару коротких шажков в направлении гостя и, обхватив ладошку Петра Ивановича сразу двумя руками, долго её тряс. Освободив наконец ладонь, Копытман незаметно вытер её о скюртук.

Предки Вольдемара Аверьяновича происходили с Полтавщины, а дворянством, как гласила представленная в Дворянский союз родословная Ковыля, был пожалован его пращур Осип. Тот якобы был первым товарищем самого Богдана Хмельницкого, чем его потомок невероятно гордился. Как любил рассказывать Ковыль, Осип отличился в битве при Жёлтых Водах,

Корсуне и Пилявцах, а также лично отвозил письмо гетмана русскому царю Алексею Михайловичу. Сам же Вольдемар Аверьянович при всей своей живости характера вёл довольно скучную жизнь, обременённый вечно болеющей супругой, прыщавым сыном семнадцати лет и немолодой любовницей, к которой заезжал каждую субботу в одно и то же время.

Следом был представлен заведующий градской больницей, доктор Ганс Иоганнович Кнут, который учтиво поклонился. Копытман поклонился в ответ. Признаться, он поначалу решил, что это кто-то из прислуги, и уже было собирался отдать ему головной убор. Но, к счастью, Муравьёв-Афинский успел того представить гостю, и таким образом конфуза удалось избежать. А свой шапокляк инспектор передал вышедшему чуть с опозданием лакею, которого хозяин кликал Мартьяном.

Кнут сказал, что нередко обедает у Антона Филипповича, а сегодня тем паче случился повод познакомиться с прибывшим из столицы чиновником. И что ежели тому надумается проверить состояние дел в градской больнице – то он завсегда готов принять и провести небольшой *ausflug*⁴.

Кнут говорил с сильным акцентом, но размеренно, поэтому понять его было можно, так как в России немец жил уже почти два десятка лет. В своё время окончив Гейдельбергский университет и обладая в молодости страстью к путешествиям, он оказался в далёкой варварской России, которая при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж и дикой. А русские женщины, которым тощие фрейлейн и в подмётки не годились, вовсе покорили сердце заезжего доктора. Впоследствии с одной из них, пышнотелой особой из средней руки купеческого рода, он связал себя узами брака. В этом союзе на свет появились двое очаровательных малышей, имя которым он, впрочем, дал на свой манер – Эльза и Карл.

Выдержав экзамен в Медицинской канцелярии, он приступил к работе сначала в Москве, а после судьба занесла Ганса Иоганновича с семьёй в уездный N-ск, где ему была предложена должность заведующего больницей взамен ушедшего на покой, который тоже был из немцев. В N-ске Кнута все стали называть по-простому – Ганс Иваныч, на что он не обижался. В целом доктор был добрым, хотя и масоном, и даже пытался как-то организовать в городе ложу братства вольных каменщиков, однако понимания не нашёл. Но лечил неплохо, и ежели случалось кому-то из благодетелей города захворать, то приглашали неизменно Ганса Иваныча.

Впрочем, в последнее время он увлёкся новой методой, которую ему в письме описал его бывший товарищ по студенческой скамье, ныне державший практику в Дрездене, Клаус Шульц. Тот был шутником преизрядным, однако за давностью лет Кнут и забыл об этой особенности характера знакомца, а потому всё им написанное воспринимал всерьёз. Метода же заключалась в том, что будто бы диагноз уже вполне можно ставить по внешнему виду утренних человеческих испражнений. Причём Шульц приводил несколько примеров, кои Кнут старательно переписал в тетраточку.

И вот уже полгода, опроставшись по утрам, каждый раз Ганс Иваныч тщательнейшим образом изучал недавнее содержимое своего кишечника, с намерением углядеть намёк на ту или иную болезнь. Не углядев, вздыхал с явным облегчением, потому что, как и всякий доктор, опасался хвори в себе как чёрт ладана. Если же, чего доброго, замечал непорядок – тут же начинал употреблять лекарства от того, что ему, как считал Кнут, могло грозить.

Фекалии своих отпрысков он также подвергал изучению, а вот супружница Мария Фёдоровна глазеть мужу на свои испражнения категорически запрещала, угрожая ему быть битым первым же попавшимся под руку предметом. Супругу, которая после родов ещё более увеличилась в объёмах, Ганс Иваныч уважал и побаивался, а потому, однажды получив отказ от подобного рода предложений, больше не лез.

⁴ Экскурсия, прогулка (*нем.*).

Новую методу он пытался внедрить и среди своих пациентов. Если в больнице, куда обычно попадали представители низкого и среднего сословия, Кнут был царь и бог, то пациенты мастью повыше, которых он обсуживал на дому, на просьбу продемонстрировать образцы кала только кривили рот и крестились.

– Идёмте же наверх, – сказал городничий, принимая гостя под руку. – Кстати, как вас разместили?

– Молитвами Елизаветы Кузьминичны Мухиной, вполне сносно.

– Да-да, слышал эту историю, как они изволили встретить вас, пребывавшего в весьма бедственном положении, на тракте и поселили на постоялом дворе у Гусака. Я лично выразил госпоже Мухиной письменную благодарность.

– Жаль только, что ей приходится оплачивать моё пребывание на постоялом дворе, – вздохнув со всей возможной горечью в голосе, прозрачно намекнул инспектор.

– Это мы немедля же исправим. Отныне, пока вам не придёт материальная помощь из столицы, расходы на ваше содержание на постоялом дворе я беру на себя!

– Право, мне и вас неудобно стеснять...

– Ах, бросьте, кто, как не градоначальник, обязан заботиться не только о жителях своего города, но и о его гостях.

– Уездное дворянство со своей стороны также поддержит ваше высокоблагородие в сей нелёгкий час, – со своей стороны добавил предводитель.

Стол в обеденной зале отнюдь не ограничивался самоваром и пирогами. В преддверии Успенского поста – а посты, честно сказать, городской голова и его семейство соблюдали больше номинально – хозяева с угощением расстарались на славу.

Воображение инспектора поразили мясные и рыбные закуски, сыры камамбер, сент-мор и лимбургский, брызжущие соком маленькие чебуреки-посикунчики, жареные перепела, гора блинов как простых, с топлёным маслом, так и с икрой лососёвой и осетровой, винегрет с харикотами – как тогда называлась фасоль, пирожки с рыбой, мясом, капустой и грибами... Присутствовал биток по-скобелевски с сельдереем на рашпере, имелись котлеты пожарские с соусом из грибов и печёным фенхелем, вареники с квашеной капустой, кундюмы и пельмени с кроликом... Грибы присутствовали нескольких видов, особое место было отведено белым, тут же стоял нарезанный арбуз – для этих широт ягода не такая уж и экзотическая. Напитки были представлены белыми и красными винами, стояли графинчики с анисовой водкой, можжевеловой и рябиновой настойками.

Посередине стола возлежал молочный поросёнок, в рот которому всунули средних размеров печёное яблоко. Он был уже нарезан сверху донизу частями, только накалывай на вилку, однако в целом общий вид сохранил прежний, и по бокам был украшен зеленью. Были даже заморские апельсины в количестве трёх штук, которые Муравьёв-Афинский называл апельцынами.

– Гостю почёт – хозяину честь, – расплылся в подобострастной улыбке градоначальник, лично пододвигая стул Петру Ивановичу.

– Благодарю, сударь. Признаться, не чаял увидеть столь обильный стол... Скажите, а часто ли так трапезничаете и велик ли ваш доход?

«Началось, – подумал городничий, чуть бледнея. – Экий шельмец, сразу за грудки».

Надо сказать, обычно стол у Антона Филипповича бывал скромнее, лишь однажды он расстарался подобным образом, когда через N-ск пролегал путь генерала от инфантерии, героя Наполеоновских войн Фёдора Филипповича Довре. Теперь уж и сам был не рад, что устроил такой пир для столичного инспектора.

– Э-э-э... Пётр Иванович, милейший, так ведь каков доход – четыреста пятьдесят рублей серебром ежемесячно, учитывая офицерскую выслугу. Как-никак из отставных военных, в своё время пришлось, так сказать, послужить... Всё согласно государственной ведомости. Ну а что

стол... На угощение для гостей я никогда не скуплюсь. Ежели гости свои, из местных, – так можно и попроще, а уж тут человек из столицы, долго ехал, устал с дороги, ел в трактирах, решил вот сделать приятное. Вы уж не обессудьте, сударь!

– Да я же разве что поперёк имею, Антон Филиппович! – успокоил градоначальника Копытман. – Напротив, весьма польщён таким приёмом и с радостью отведаю ваших деликатесов.

– Тогда позвольте предложить вам, ваше высокоблагородие, для закуски винегрет с хари-котами, – взялась за дело Татьяна Леопольдовна. – И обязательно отведайте посикунчиков. Их только что из печи достали, внутри такой сок – нектар!

Копытман понятия не имел, что собой представляют посикунчики, но, на его счастье, хозяйка лично ему подкладывала то одно, то другое, и вскоре Пётр Иванович уже приноровился к названиям блюд, а какое-то время спустя и вовсе почувствовал себя свиньей-копилкой, набитой под завязку разного рода мелочью.

За столом зашёл разговор, как показался гостю уездный город.

– Да не много и видел, сей день только и проезжал в оба конца, – ответил Пётр Иванович. – Отобедал у судьи, а ужинаю вот у вас. Из того, что узрел, понравились чистые улицы, булыжников, правда, кое-где недостаёт в мостовой, но этот недочёт, уверен, вы обязательно устраните.

– Воруют, мошенники, булыжники-то, – вздохнул Муравьёв-Афинский. – На свои нужды воруют, по ночам выковыривают. А этот камень ещё при прежнем градоначальнике привозили с юга, давно уже нужно новую экспедицию отправлять, да где ж на неё столько денег возьмёшь! Ну да этот момент мы уж как-нибудь с Божьей помощью уладим.

– Как есть уладим, даже не сомневайтесь, – поддакнул предводитель.

– Много нищих у храма, – продолжил инспектор. – Калек много, увечных, старух с детьми малыми... Что, бедствует народ?

– Да народу-то всякого хватает, вот только на Руси исстари повелось подаяниями кормиться. Не хотят работать, на паперти привыкли стоять, что ж их – только батогом гнать ежели, так ведь взбунтуют. А для малоимущих и калек у нас есть богадельня, коей управляет господин Козырьков.

– Аполлинарий Никифорович? – припомнил утреннего посетителя Копытман.

– Что, уже познакомились? – напрягся городничий. – Навестили его богадельню?

– Богадельню ещё не навещал, но собираюсь сделать это в ближайшее время. А он сам ко мне утром навещался, засвидетельствовать, так сказать, своё почтение.

– А я вот, знаете ли, как раз завтра думал нагрянуть к Козырькову, проверить, что там да как. Хоть и не поступало на него нареканий, а всё же не мешало бы поглядеть лишний раз самому, как всё устроено. Можете составить компанию, ежели желаете.

На самом деле жалобы на управляющего богадельней поступали регулярно, вот только и подаяния от Козырькова также оседали в кармане градоначальника с завидным постоянством. Потому и смотрел Муравьёв-Афинский на дела Аполлинария Никифоровича сквозь пальцы.

– Отчего же, с удовольствием присоединюсь к вашей экспедиции, – сказал Копытман, лениво отправляя в рот очередной посикунчик, так и таявший на языке.

– Тогда, как соберёмся, пришлю за вами экипаж, – пообещал хозяин.

А сам подумал, что после отбытия гостя сразу отправит к Козырькову нарочного с требованием немедленно привести богадельню в надлежащий вид. Ну или хоть что-то сделать, дабы столичный чиновник завтра не слишком возмутился царящими в заведении разорением и запустением.

– Много ль народу помирает? – продолжил допрос Копытман.

– Дык ведь помирают, – вздохнул городничий. – Все, как говорится, под Богом ходим.

– Небось, от болезней?

– А по-разному! Давеча принесли очередную сводку за последний месяц. Наши священники записывают, кто от чего помер. – Муравьёв-Афинский по-молодецки подхватился, сбежал куда-то и, вернувшись, протянул гостю бумагу: – Вот, извольте полюбопытствовать.

Копытман принялся вчитываться, и чем дальше – тем выше ползли вверх его брови. Ещё бы, ведь диагнозы были указаны такие, что на глаза нашему герою попались впервые в жизни. К примеру, как понять «умер от поротья»? В смысле, с перепоя? Или вот – от цыганского иссушения. А тут – от естественного изнурения сил. Дальше – больше: девица тридцати девяти лет – от престарелости, мужик тридцати пяти годов – от пухлятины, далее перечислялись христианская кончина, грешная болезнь, натуральная смерть, слабая жизнь, собачья старость, водобоязнь (не иначе бешенство, догадался Копытман), сляглая (совсем непонятно), чёрная болезнь... В общем, кое-как осилив этот список, Пётр Иванович понял, что в это время люди умирали часто и охотно, так как большинству из обывателей жизнь, вероятно, причиняла моральный и физический дискомфорт.

Далее разговор скатился на посторонние темы. К примеру, городничий отметил, что завтра вечером в театре дают Шекспира и он имеет честь пригласить столичного гостя на представление.

– Отчего же, с удовольствием поучаствую в предприятии. А что за театр, большой, на сколько мест?

Тут в разговор включилась Татьяна Леопольдовна, вывалившая на инспектора массу информации. Пока она вещала, воспользовавшийся паузой городничий извлёк откуда-то серебряную с вензелями табакерку, зацепил щепотку нюхательного табака и сунул себе поочередно в обе ноздри. После чего, скорчив уморительную гримасу, отвернулся и оглушительно чихнул, за что получил от супруги чувствительный тычок локтем в бок. Муравьёв-Апостол посмотрел на неё с виноватой улыбкой и предложил табакерку гостю:

– Не желаете? Очень, знаете ли, хорош для возбуждения мозга. Табачок к тому же отменный, а la rose⁵.

«Снаффом балуется», – подумал Копытман, а вслух сказал:

– Благодарю за предложение, уважаемый Антон Филиппович, но не имею подобной привычки. В Петербурге, знаете ли, мода на нюхательный табак проходит... Так что вы, Татьяна Леопольдовна, говорили?

Из всего услышанного инспектор выяснил, что здание театра на триста посадочных мест, находившееся позади Никольского собора через дорогу, было передано в дар городу ещё в конце прошлого века помещиком и меценатом Даниилом Ильичом Дурасовым. С тех пор там шли театральные постановки с участием труппы как из крепостных крестьян, так и «благородных» господ. Особым интересом у горожан пользовались пьесы Шекспира, и завтра будут давать «Отелло».

– А как у нас поживает уездное дворянство? – обернулся инспектор к ёрзавшему на стуле Ковылю.

Тот отчитался, что дела обстоят прекраснейшим образом, что именно дворяне, коих в уезде насчитывалось восемнадцать душ, включая самого Ковыля, день и ночь радеют о благополучии родного края, а Антон Филиппович им в этом наипервейший помощник. Копытман пообещал проверить, насколько сильно дворяне радеют.

В этот момент подоспела очередная смена горячих блюд.

– А как у вас, сударь, со здоровьем? – спросил молчавший до этого и мало евший Кнут.

– Слава богу, не жалуясь.

⁵ A l a r o s e – один из видов нюхательного табака, включал в себя осиновую золу, эликсир соснового масла, розовое масло и «самую наилучшую» розовую воду.

– Qui potuit petere magis!⁶ – вздохнул доктор.

– Конечно, бывает иногда, кольнёт то здесь, то там, ну так уже и не мальчик. В прошлом году даже камень из почек выводили, ультразвуком его разбили...

– Простите?

Копытман понял, что сморозил не подумавши и теперь предстоит объяснять, каким-таким ультразвуком ему разбили камень.

– В столице в этом году апробировали новую методику, чисто российское изобретение, – лихорадочно принялся выкручиваться он. – Состоит этот прибор из барабана, который, ежели быстро крутить за специальную ручку, издаёт неслышимый уху звук. Раструб из барабана направляют на больное место, и этот звук, проникая сквозь кожу и мышцы, достаёт до почки, тем самым измельчая камень, который в виде песка выводится через мочеточник. К сожалению, подробного устройства этого прибора не знаю, так что более ничего у меня на этот счёт не пытайте.

Изумлению доктора, казалось, не было предела. Некоторое время он сидел молча, с застывшим лицом и прямой спиной, словно изваяние, затем его кадык дёрнулся вверх и вернулся на место.

– Однако, – выдохнул он и повторил: – Однако... Я всенепременно должен видеть это чудо. Немедленно отправлю запрос в столицу.

«Пусть отправляет, – подумал Копытман. – Пока туда депеша дойдёт, пока придёт ответ, меня уже и след из этого городка простынет».

– А дочки мои на всяко горазды, – перевёл разговор на более привычные ему темы Антон Филиппович. – Софья вышивает по тюлю или чехольчики бисером – залюбуешься, а Машенька к музыке склонность имеет. Машенька, душенька, сядь к роялю, сыграй нам что-нибудь.

Все переместились в главную залу, где видное место занимал портрет государя в полный рост, смотревшегося как-то по-домашнему, чуть ли не членом семьи. В углу чернел трёхногий рояль с раскрытыми на пюпитре нотами. Машенька, украсившись нежным румянцем лёгкого смущения, покорно заняла место за инструментом. Она вполне прилично отыграла «Превращение Гиацинта» Моцарта, после чего встала, присела в книксене и скромно заняла место рядом с сестрой на изящном канапе.

– А что сейчас играют в столице? – спросила у гостя Татьяна Леопольдовна.

– Да то же самое и играют, – чтобы не запутываться, отвечал Пётр Иванович.

– А вы что предпочитаете? Владаете ли инструментами?

– Что я предпочитаю? Да всё больше... романсы, – после заминки сказал инспектор, решив, что для середины XIX века романсы – более-менее подходяще.

– Ах, сыграйте же нам! Просим, просим!

Все захлопали, включая градоначальника, и Пётр Иванович понял, что отвертеться не удастся. Правда, признался, клавишным инструментом владеет слабо, больше к гитаре приучен. Что ж, нашлась в доме и гитара. Правда, семиструнная, но Копытман без лишних усилий настроил её под более привычный «ишпанский», как он выразился, вариант. После чего чуть дрожащим голосом затянул «Колокольчик», который Евгений Дмитриевич Юрьев сочинит полвека спустя.

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
День-день-день, день-день-день —
Колокольчик звенит,
Этот звон, этот звон

⁶ Можно ли желать большего! (лат.)

О любви говорит...

– Bravo! Гениально!

И вновь аплодисменты, доставившие, нужно сказать, Петру Ивановичу приятные моменты. Одним романсом присутствующие не ограничились, потребовали ещё. Что ж, Копытман знал их пусть и не так много, но достаточно для одного вечера в приятной компании. Отчего бы не спеть? Исполнил «Утро туманное» на так же ещё ненаписанные стихи Тургенева. Романс был принят тепло, поселив в душах собравшихся лёгкую грусть. Концерт продолжился песней Андрея Петрова на слова Киплинга «Мохнатый шмель», добавив цыганской удалы. Тут и Копытман разошёлся, дав волю своему лирическому тенору, и глаза у слушателей заблестели более весело.

– Право, мы этих прекрасных романсов и не слышали вовсе в нашей глуши, до нас все новости доходят с изрядным опозданием! – воскликнула Татьяна Леопольдовна, обмахиваясь веером. – Ох, что-то жарко мне стало, идёмте в обеденный зал, там уже, наверное, подали мороженое.

И впрямь, десерт в изящных серебряных розетках, чуть подтаявший, с кусочками фруктов ожидал на столе, и инспектор про себя отметил, что порции были скорее чисто символическими. Вслух же выразил своё восхищение, посетовав, как, наверное, дорого содержать в подвале дома ледник.

– Так ведь, милостивый государь, какой там ледник, так, уголок аршинный с ледышкой... Но это ещё не всё! Мартьян, ну-ка, подавай апельсины!

Минуту спустя Мартьян внёс в обеденную залу поднос с горкой апельсинов. Южный фрукт, похоже, считался в этих краях редкостью, и Копытман из скромности отведал только один, да и, в общем-то, он больше предпочитал мандарины.

Затем сели расписать пульку в преферанс с участием градоначальника, Петра Ивановича и доктора, так что никому пропускать раздачу, сиречь сидеть на прикупе, как это бывает при игре вчетвером, не довелось. Копытман когда-то поигрывал в эту разновидность карточных игр, был знаком с правилами, так что совершенным дураком не выглядел.

– Раз уж у вас денег в наличии не имеется, позвольте ссудить вам на игру пять рублей мелочью, не откажите в любезности, – предложил Муравьёв-Афинский.

– Что ж, буду весьма признателен, – так же учтиво ответил инспектор.

Ставили по гривеннику, и вскоре Пётр Иванович понял, что градоначальник ему подыгрывает. В то же время Кнут играл честно, что было присуще его немецкой натуре.

«Неплохо бы ещё при случае и в градскую больницу заехать, – подумал Копытман, давая доктору „снять“ колоду. – Хотя у такого педанта наверняка и придраться не к чему. А следовательно, и на взятку рассчитывать не приходится».

Ганс Иваныч оказался игроком средней руки, и большая часть выигрыша за этот вечер ушла Петру Ивановичу, который не только сумел отыграть занятые у Муравьёва-Афинского пять целковых, но и прибавить сверх ещё три. Городничий же, казалось, был только рад, что ему удалось угодить своему гостю, он будто искренне восхищался мастерством игрока и провозгласил, что тому благоволит Фортуна.

Между делом Ганс Иваныч заметил, что если в столице используют прогрессивный метод лечения ультразвуком, то в Европе в моде новейший метод определения вида болезней по испражнениям.

– Не желаете ли испробовать на себе? – с надеждой поинтересовался немец.

Градоначальник тихо прыснул, отворачивая лицо, и мелко перекрестился.

– Пожалуй, сударь, пока воздержусь, – деликатно отказался Пётр Иванович.

Он и впрямь не был готов к тому, чтобы показывать своё дерьмо незнакомому лицу. Да он и знакомому не показал бы, по этой части Копытман был застенчив.

Отказ доктор принял с понимающим вздохом, подумав про себя, что всё-таки в этой огромной, подверженной суевериям стране прогресс до окраинных селений добирается крайне сложно.

«Ну ничего, *amat victoria curam*»⁷, – подумал эскулап.

– А как вам, Пётр Иванович, постоялый двор? – на прощание спросил Муравьёв-Афинский. – Не переселиться ли вам в гостиницу «ГермесЪ»? Всё ж комфорту, как говорят у вас в столицах, поболее будет. Ежели за расходы переживаете, то их мы возьмём на себя.

– Пожалуй, не стоит из-за меня так тратиться, уважаемый Антон Филиппович. Я и на постоялом дворе неплохо устроился, пока там, стараниями Кузьмы Аникеевича дочки, состою при полном пансионе. Но расходы я обязательно им возьму, как только с нарочным из Петербурга привезут деньги и документы.

– Ну как знаете, а пока вот, от меня лично, мало ли что... – И городничий, схватив руку гостя, вложил в раскрытую ладонь кредитных билетов общей суммой на 100 рублей серебром, а предводитель дворянства сверху добавил бумажек ещё на пятьдесят целковых.

Поколебавшись, Пётр Иванович сунул пачку себе в карман, пообещав всё вернуть при первой же возможности.

На N-ск уже опустилась ночь, время приближалось к одиннадцати часам. Решив, что небольшой моцион перед сном не помешает, инспектор отказался от предложенного экипажа, сказав, что дорогу помнит и идти не так уж и далеко, не более пятнадцати минут.

– У вас же тихо ночами, не балуют? – спросил он градоначальника.

– Наш капитан-исправник Прохор Пантелеймонович своё дело знает-с, – уверенно заявил Антон Филиппович. – У него околоточные всю ночь ходят, за порядком следят, ежели вздумается кому набедокурить, так они его сразу в участок-с.

– Ну тогда прощайте, до завтра, спасибо за угощение и с интересом проведенное время.

Городничий на всякий случай велел своему человеку, отличавшемуся шириной плеч и железной хваткой, тайком идти за столичным инспектором. Мало ли, вдруг пьяный попадётся, приставать начнёт, ещё, чего доброго, и покалечит приезжего, потом беды не оберёшься.

– Будет сполнено, ваше высокоблагородие, – баском ответил тот, сжимая и разжимая пудовые кулачищи.

Над уездным городом N-ском повисла ополовиненная, проглядывавшая сквозь рваные облака луна, ветер шелестел в кронах редких деревьев, и освещавшие больше сами себя, а не дорогу фонари, от которых сильно несло газом, всё же указывали путь налоговому инспектору Петру Ивановичу Копытману. Улицы были безлюдны, и в редких окнах теплились свечи. Похоже, здесь, как и в деревнях, было принято ложиться рано, чтобы с рассветом решать свои насущные дела.

«Кстати бы сейчас пришлась трость, – подумал Копытман, вышагивая по мостовой. – Раз уж попал в эту эпоху, то почему бы не позаимствовать некоторые удобные вещи? Завтра же всенепременно куплю».

Он вновь предался размышлениям о превратностях судьбы. Вот и второй день его пребывания в прошлом подходил к концу. Он обзавёлся личным знакомством с судьёй и городничим, показал себя вполне приятным в обществе человеком, пока все верят, что он и впрямь приехал из Петербурга по специальному заданию. Завтра придётся обследовать богадельню, для видимости можно заглянуть и в другие заведения города, проверить финансовую и налоговую отчётность, в общем, делать вид, что исполняет свой долг. А дальше... Ну, дальше будет видно, пока всё как-то само собой складывается, особенно насчёт финансов.

⁷ Победа любит терпение (*лат.*).

В этот момент в неверном свете газового фонаря позади него мелькнула тень, и Пётр Иванович непроизвольно обернулся. Какой-то человек быстро шмыгнул в подворотню и, видно, там затаился.

«Вот же чёрт, – сдвинув на затылок шапокляк, инспектор вытер платком мгновенно вспотевший лоб, – не иначе злоумышленник. Вот и верь этому Муравьёву-Апос... тьфу, Муравьёву-Афинскому, что в городе по ночам всё спокойно. Эх, жаль, нет с собой никакого оружия, да та же трость пришлась бы ко времени».

Он ускорил шаг, едва удерживая себя, чтобы не побежать. Ему казалось, что если победит, то выдаст свой страх, и тогда уже мало что заставит следившего за ним человека отступить от своих чёрных замыслов. А в том, что они чёрные, Копытман ни секунды не сомневался.

Однако нападать на него никто не спешил, и Пётр Иванович уже на подходе к постоялому двору даже осмелился оглянуться. Нет, никого не видно, ну и слава богу. Может, и показалось, у страха, как говорится, глаза велики.

В хозяйстве Гусака ещё кипела жизнь. В трактире сидели люди, по большей части путешественники, но были и местные завсегдатаи: раскидывали картишки, выпивали, закусывали. Одним словом, обычная кабацкая жизнь.

Копытман хотел побыстрее подняться к себе в номер, но вдруг его кто-то легко тронул за локоть. Обернувшись, Пётр Иванович увидел рядом с собой невысокого, согбенного человека в сильно потёртом сюртуке, относившем его обладателя к чиновникам низшего пошиба. Картину дополняли редкие мелкие зубы, изо рта исходил неприятный запах, а глаза смотрели куда угодно, но только не на собеседника.

– Ваше сиятельство, позвольте обратиться, – громким шёпотом произнёс он, испуганно оглядываясь по сторонам.

– Ну, прежде всего, не ваше сиятельство, а ваше высокоблагородие.

Надо сказать, Копытман уже порядком вжился в свой новый образ. Современность проникла в глубины его естества, подчиняя и растворяя его в себе, как серная кислота растворяет в своём текучем пламени любую органику. Но растворение это происходило без боли, напротив, даже доставляло Петру Ивановичу какое-то подспудное удовольствие. И он уже был не против, когда его величали «ваше высокоблагородие», чувствуя себя при этом выше ростом и шире в плечах.

– Христа ради простите, ваше высокоблагородие, это я от волнения-с.

– А вас-то как звать, представьтесь, не сочтите за труд.

– Огоньков Влас Мефодьевич, коллежский регистратор.

– Так чем обязан, Влас Мефодьевич? – поинтересовался инспектор.

– Дело государственной важности, не для чужих ушей, – негромко ответил незнакомец, по-прежнему озираясь.

– Раз уж так, поднимемся наверх, в номер. Только времени у меня не так много, лучше бы вы с утра подошли.

– Дело не терпит отлагательства, ваше высокоблагородие, промедление смерти подобно.

– Ох, заинтриговали вы меня... Ладно, идёмте.

В номере Копытман уже по привычке предложил посетителю стул, а сам уселся на кровать, размышляя, что не мешало бы попросить у Гусака ещё один стул, раз уж просители зачистили.

– Итак, извольте объяснить, что за дело такой срочности.

– Ваше высокоблагородие, в городе зреет заговор.

– Так-так, интересно, продолжайте...

Выяснилось, что некий студент Нехлюдов, изучающий в Петербургском университете юриспруденцию, прибыл в родной N-ск на летнюю побывку. А между делом проповедует рево-

люционные идеи. Как то: призывает к отмене крепостного права, как изжившего себя дикарского обычая, говорит, что Бога нет, а попы – паразиты на теле общества и, наконец, выступает за полное и безвозвратное уничтожение самодержавия.

Огоньков поискал глазами образ, не нашёл и просто перекрестился на угол.

– Действительно, обвинения серьёзные, – откинулся спиной на стенку Пётр Иванович, переплетя пальцы на начавшем обрисовываться после обильного ужина у градоначальника животике. – За такие речи можно и на каторгу угодить. А что же вы не пошли к местному исправнику или чиновнику тайной канцелярии?

– Думал, ваше высокоблагородие, да всё не решался, студент тот мне как-никак племянником приходится. А тут вы вот приехали, ну я и набрался смелости.

– Племянником? Однако... – поразился больше про себя, чем показал, инспектор. – Ладно, берите перо, бумагу и пишите всё, что только что мне рассказали. А я уж подумаю, каким образом дать делу ход.

Спровадив неприятного во всех отношениях посетителя, Пётр Иванович занялся небольшой постирушкой. Попросил принести два тазика: один с мыльной водой, другой – с водой обычной для ополаскивания, после чего приступил к стирке, пардон, носков и трусов.

Как следует отжав, повесил интимные принадлежности своего туалета на спинку стула, затушил свечу и лёг в постель. Однако сон долго не шел, виной тому была обильная трапеза у градоначальника или недавний визит коллежского регистратора... Да клопы ещё принялись покусывать. Но спустя какое-то время он всё же забылся тревожным, беспокойным сном.

Глава 4

У тро началось с очередного просителя. Вернее, жалобщика, представившегося владельцем скобяной лавки Семёном Полищуком. Это был тощий косоглазый мужичонка лет пятидесяти, с жидкой бородёнкой на вытянутом лице, одетый в сапоги с заправленными в них штанами, косоворотку в синий горошек и жилетку. Он нервно мял в руках картуз с кожаным козырьком.

– Так что у вас? – спросил Копытман, пребывавший в относительно неплохом настроении и надеявшийся, что его не испортит появление утреннего гостя.

– Ваше сиятельство...

– Высокоблагородие.

– Ваше высокоблагородие, – хитро косясь на инспектора, поправился лавочник, – только на вас уповаю. Ежели вы не защитите, то уж никто не заступится.

– Ближе к делу.

– У нас на рынке две лавки скобяных изделий – моя и Бурцева. Столько лет вели коммерцию, не мешая друг другу, а тут недавно-с он нанял мальцов, сунул каждому по полушке, они и принялись бегать по рынку, народ в его лавку завлекать.

– А вам-то что мешает поступить так же? – начиная хмуриться, поинтересовался Копытман.

– Так ведь я и сделал так, перебил его предложение, заплатил им по копейке, а на следующий день смотрю – они опять в его лавку зазывают-с. Этот щучий хвост им уже по грошику заплатил.

– А вы мальчикам по алтыну положите.

– Дык ведь таким макаром они скоро богаче меня станут, – дёрнул бородёнкой Полищук. – Может, вы ревизию проведёте в его лавке? При желании-то всегда можно найти, к чему придраться. Закрыли бы Бурцева, у меня конкурентов и не осталось бы. А я уж век вашей доброты не забуду.

На стол легла двадцатипятирублёвая ассигнация, вид которой вызвал у Петра Ивановича неоднозначные чувства.

– Сударь, как вам не стыдно отвлекать от дел государственного человека сущей ерундой? Для решения такого рода вопросов существует коммерческий суд, да и то не всякий возьмётся, учитывая, что закон в вашей ситуации никем не нарушается, это всего лишь обычная конкуренция.

– Не возьмётся, ваше превосходительство, как есть не возьмётся!

С этими словами к прежней купюре добавилась ещё одна такого же номинала.

– Ладно, подумаем, чем вам можно помочь, – вздохнул Копытман. – А теперь ступайте, у меня на утро запланированы важные дела.

– Премного благодарны, ваше превосходительство, премного вам благодарны-с!

Не переставая кланяться, лавочник задом толкнул дверь и покинул номер, а Пётр Иванович сгрёб ассигнации и убрал их в ящик комода. Что ж, курочка, как говорится, по зёрнышку клюёт, на ловца и зверь бежит и так далее и тому подобное. Одним словом, утро началось относительно неплохо.

К десяти часам заявился шляпник. Шмулевич держал в руках круглую коробку, словно собирался представить заказчику дамский чепец, и с видом фокусника извлёк из неё фуражку налогового инспектора.

– Недурно, – констатировал Копытман, водружая убор на голову и смотрясь в зеркало. – Вот вам ваш шапокляк и пятирублёвая ассигнация.

И заметив, что шляпных дел мастер достал из кошелька два целковых с намерением вернуть сдачу, добавил:

– Сдачу оставьте на чай. Не отказывайте, иначе обижусь, ваша работа достойна похвалы, и вы вполне могли за неё и пять рублей попросить.

– Премного благодарны-с, ваше высокоблагородие, – согнулся пополам шляпник, сжимая в пятерне ассигнацию, а когда разогнулся – купюра чудесным образом из его ловких пальцев куда-то исчезла.

Спровадив гостя, Пётр Иванович почувствовал лёгкое удовлетворение. Теперь он был одет по форме. Единственное, что его смущало, – наличие всего одного комплекта одежды. А он уже после вчерашнего дня порядком вспотел, вон, у рубашки и воротник затемнился. Надо было вечером отдавать в стирку, а сейчас уже, пожалуй, поздно, раз днём городничий обещал заехать с намерением прихватить его в местную богадельню. Инспектор решил, что надо бы пошить гражданское платье, попросить того же Гусака свести его с приличным портным.

И снова раздался деликатный стук в дверь. Новый посетитель представился хозяином скобяной лавки Василием Бурцевым. Одевался он как близнец Полищука, только горошек на косоворотке был не синего, а красного цвета. А вот габаритами отличался очень. Был Бурцев коренаст, щекаст, пузат, глаза навывкате, а лопатообразная борода спускалась чуть ли не до пояса.

Узнав, кто к нему заявился, Копытман едва не воскликнул: «Эк вы друг за другом ходите, сначала ваш конкурент Полищук, теперь вы!» – однако что-то заставило его промолчать. Как он и предполагал, лавочник пришёл с той же челобитной, что и его товарищ по несчастью, то бишь умолял принять меры к недобросовестному конкуренту, перебивавшему у него юных глашатаев. На этот раз Пётр Иванович не стал миндальничать, сразу намекнул, что содействие столичного чиновника обойдётся в сотню целковых. Предприниматель вздохнул и ничтоже сумняшеся выложил на стол требуемую сумму, после чего с надеждой в глазах на светлое будущее откланялся, а Копытман добавил ассигнации Бурцева к купюрам его предшественника. Получилась весьма приятная сумма.

«Ну и дураки же они, эти Полищук с Бурцевым, – подумал инспектор, задвигая ящик комода. – На мальчишек тратили копейки, а на меня потратили 150 рублей. Вот что значит человек из столицы!»

Тут взгляд Петра Ивановича упал на свёрнутый пополам лист бумаги, и он разом вспомнил вечернего посетителя.

«Какой, однако, неприятный тип. Из века в век все эти наушники и стукачи одного и того же вида, в какую эпоху их ни помести. При этом ещё сдал с потрохами собственного племянника, просто яркий пример 37-го года. Понятно, ход его доносу я давать не буду, но на студента всё же глянуть любопытно. Может, вызвать его на своего рода допрос и попробовать молодому дурачку вправить мозги? А то ведь, чего доброго, и впрямь до каторги договорится».

Гусака Пётр Иванович высмотрел через окно во дворе. Хозяин постоянного двора как раз давал какие-то указания своим работникам, когда его сверху окликнул Копытман:

– Фёдор Тимофеевич, не уделите ли мне несколько минут вашего внимания?

– Сей же час поднимусь, ваше высокоблагородие!

– Да не стоит, мне всего-то лишь нужно, чтобы вы свели меня с приличным портным. А то на смену платья нет совершенно, а ходить постоянно в одном – просто моветон.

– Как же-с, имеется такой мастер на примете, по фамилии Гершевич.

– А сапоги у вас, небось, тачает какой-нибудь Каганович?

– Никак нет-с, с такой фамилией не замечено, но ежели потребуется, то лучше обращаться к Шапиро. У него сапоги качеством получше, нежели у других.

– Тогда, если не затруднит, сведите меня с этим... как его... Гершевичем. Есть возможность посетить его в ближайшее время?

- Ежели изволите, велю заложить бричку.
- Пожалуй что и изволю.

Менее чем через час Копытман уже переступал порог небольшого ателье, расположенного в подвале жилого двухэтажного дома. Соломон Гершевич был ещё не старым человеком, чем-то походил на актёра Зиновия Гердта, причём так же припадал на одну ногу. В работе ему помогал молодой подмастерье, что-то тихо кроивший в другом углу подвала и изредка кидавший любопытные взгляды в сторону незнакомого посетителя, которого увивавшийся рядом угрём хозяин постоялого двора именовал ваше высокоблагородие. Пара манекенов без головы и конечностей стояла в двух разных углах мастерской, один был гол, второй украшен серо-зелёным сюртуком без пуговиц.

Гершевич с интересом выслушал посетителя, выяснил, чего тот желает, – а желал он приличный костюм по современной моде, но без лишних экзерсисов, чтобы не сильно выделяться из общества.

– Да, пожалуй, такой будет в самый раз, – ткнул пальцем Пётр Иванович в один из рисунков, предложенных портным, где человек в полный рост с пустым овалом вместо лица был одет солидно, но в то же время неброско.

Гершевич споро снял мерки и обещал уже третьего дня представить инспектору новое платье. Договорились и о цене, причём мастер не отказался от задатка в размере двадцатипятирублёвой ассигнации. Сейчас Копытман мог позволить себе не слишком экономить, учитывая утренний визит щедрых лавочников.

– Корсет не желаете для более изящных пропорций? – поинтересовался демиург иголки и нитки.

– Нет уж, увольте, меня мои пропорции вполне устраивают.

– Что ж, воля ваша, но вы, судя по всему, столичная персона, я и решился предложить вам модный ныне аксессуар.

На обратном пути Пётр Иванович велел притормозить бричку у аптеки.

– Нешто худо вам, ваше высокоблагородие? – взволновался сопровождавший его Гусак.

– Пока нет, но вот моим зубам без надлежащего ухода может быть худо.

С этими словами он толкнул дверь аптеки. Приветливо звякнул колокольчик, и в нос инспектору ударила знакомая по аптекам будущего смесь лекарственных запахов, только многократно усиленная. Рецептурная комната была отгорожена от приёмной резным барьером высотой в пояс. Намётанный глаз инспектора прошёлся по рядам медикаментов, заключённых в штанглазы цветного стекла. Причём тут же можно было обнаружить разного рода химию – от пятновыводителей и духов до хозяйственных свечей и чернил. Кроме того, на прилавке лежали «колониальные товары»: пряности и редкие заморские лакомства, такие как кофе, какао и сахар. Желающие могли приобрести и кагор в бутылках где-то на пол-литра каждая, барбарисовое варенье и сироп, рекомендовавшиеся при горячках, поносах, цинге, а также для утоления жажды и несносного жара.

Провизор – худошавая личность лет тридцати, с маленькими чёрными усиками над тонкой полоской губ и с белыми нарукавниками – нарисовался сей же момент. Однако, как подумалось Петру Ивановичу, в веке XXI многие профессии, раньше бывшие мужскими, прибрали к своим изящным ручкам представительницы прекрасной половины человечества. То же касается и стояния за аптечным прилавком. В эти времена женщины занимаются исключительно детородством и воспитанием чад. Хотя в богатых семьях для воспитания обычно нанимают нянек. Другое дело – крестьянские семьи, где те же бабы и детей воспитывают, и в страду вкалывают не меньше мужчин.

– Чего изволите, сударь? – поинтересовался провизор.

– Мы изволим зубной порошок и щётку для чистки зубов.

Зубной порошок, состоявший из измельчённого мела, мыльной стружки и мяты, был упакован в бумажный пакетик с типографским чёрно-белым рисунком, изображавшим усы, приоткрытые губы и зубы. Пётр Иванович взял три пакетика, надеясь, что на неделю ему хватит, а там будет видно. Что касается зубной щётки, то она представляла собой костяную ручку, на одном конце которой часто торчали волоски свиной щетины.

– Дайте-ка, пожалуйста, ещё какой-нибудь воды для умачения тела, – попросил Пётр Иванович, немного подумав.

В итоге, перепробовав несколько запахов, инспектор выбрал французский аромат под названием Troubadour, флакончик которого стоил рупь с полтиной.

– Прекрасный выбор! – одобрил провизор. – Этим одеколоном пользовался сам император Наполеон Бонапарт.

– Ну-ну, – хмыкнул Пётр Иванович, дожидаясь сдачи.

Однако же после уплаты за новый костюм он вновь останется практически без гроша, поэтому более никаких расходов инспектор себе позволить не мог, в очередной раз возблагодарив Елизавету Кузьминичну за её доброту. Как бы глупо она ни выглядела в первые минуты их знакомства, но именно её помощь позволила Петру Ивановичу до сих пор не только более-менее прилично существовать, но и заручиться поддержкой у судьи и местного градоначальника. Хотя и те двое пройдох оказались весьма кстати.

Впрочем, тот же судья показался Копытману человеком себе на уме, имевшим относительно гостя из Петербурга какие-то подозрения. Но, по большому счёту, они не были ничем подкреплены, в то же время и Пётр Иванович не мог представить сколько-нибудь верных доказательств своей истории, равно как и личности. Впрочем, пока можно отговариваться обещанием дожидаться депеши из Петербурга. Но через пару недель её отсутствие начнёт вызывать у местных знакомых подозрение.

Хотя не исключено, что его письмо и впрямь дошло до адресата. Любопытно, что подумает Бенкендорф, если его прочитает? Предположим, поднимет на ноги своё управление, а там выяснится, что никакого Копытина в данном ведомстве не существует. Или поверит написанному и потребует изготовить новые документы и отправить вместе с деньгами курьером в N-ск отправителю? Но это уже было из области фантастики. Скорее всего, письмо будет перлюстрировано и даже не дойдёт до Александра Христофоровича, и вообще, вероятно, нижние чины сами решат проверить, кто таков есть этот Копытин, которого никогда не существовало, и с какой стати он оказался в N-ске. Возьмут и отправят экспедицию, а в Петербург несчастного путешественника во времени привезут уже в кандалах. Этот вариант Петра Ивановича совершеннейшим образом не устраивал, но дёргаться преждевременно смысла он не видел. Нужно ещё хотя бы какое-то время, чтобы как следует обжиться в этой эпохе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.